

Санкт-Петербургский государственный университет

ДЫБКИНА Анастасия Николаевна

Выпускная квалификационная работа

*Проблема эффективности контртеррористической деятельности
современного государства (на примере Северной Ирландии)*

Уровень образования: бакалавриат

Направление 41.03.04 «Политология»

Основная образовательная программа СВ.5027* «Политология»

Научный руководитель:
зав. кафедрой международных полит.
процессов ф-та политологии СПбГУ,
доктор соц. наук, профессор
Грибанова Галина Исааковна

Рецензент: профессор ф-та гос. и мун.
управления СЗИУ РАНХиГС,
доктор полит. наук, профессор
Вульфович Ревекка Михайловна

Санкт-Петербург

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА	11
1.1. Сущность и концептуальные аспекты феномена этнорелигиозного терроризма.....	11
1.2. Этнорелигиозный терроризм в условиях глобализации	19
1.3. Контртерроризм в современном мире: специфика и показатели эффективности	27
ГЛАВА 2. ОПЫТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ СЕВЕРОИРЛАНДСКОМУ ТЕРРОРИЗМУ	39
2.1. Терроризм в Северной Ирландии как тактика противостояния британскому правительству	39
2.2. Методы урегулирования кризиса и борьбы с североирландским терроризмом.....	49
2.3. Оценка влияния BREXIT на уровень террористической активности в Северной Ирландии	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	76

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

В современном мире терроризм представляет собой одну из наиболее серьезных угроз человечеству, возрастающую на фоне обострения и распространения политического, религиозного и этнического экстремизма. Террористические группировки и организации прибегают к данной форме прямого политического насилия для достижения своих специфических целей, подвергая опасности жизнь, здоровье и благополучие мирных граждан и нанося ущерб стабильности всего мирового сообщества. Насилие посредством террористических актов воспринимается террористами как борьба за свободу и справедливость и используется как инструмент проведения политики устрашения.

Террористическая деятельность носит особенно деструктивный характер, и для эффективного противодействия этой глобальной проблеме современности необходимо выработать устойчивое научное знание о специфике феномена терроризма и определить наиболее действенные механизмы борьбы с ним.

Великобритания имеет давнюю историю противостояния террористической угрозе и позиционируется как государство, которое применило комплексный подход в борьбе с этнорелигиозным терроризмом в Северной Ирландии, несколько веков пребывающей в условиях перманентного насилия. Данный подход до настоящего времени признавался одним из самых эффективных в Европе, поскольку эта страна в условиях современности наиболее успешно, по сравнению с другими европейскими государствами, сочетает политические и антитеррористические механизмы, используя политическое управление в системе урегулирования этноконфессионального конфликта.

В связи с этим «британский путь» становится актуальным в более широком европейском и международном контексте борьбы с терроризмом. Современная организация противодействия террористической деятельности требует

активного изучения опыта борьбы с терроризмом в отдельных странах, и в данном случае наибольший интерес представляет Великобритания.

Степень научной разработанности

Проблеме терроризма и контртеррористической деятельности посвящена обширная база научных трудов отечественных и зарубежных ученых и исследователей. Автор ознакомился с рядом работ, раскрывающих различные аспекты терроризма в целом. Среди значимых для рассматриваемой темы исследований необходимо отметить труды А.К. Сафонова, Е.А. Степановой, Б.В. Сидорова, Дж. Белла, В.В. Витюка и И.В. Данилевича¹, в которых раскрыты существенные характеристики феномена терроризма, прослеживается его генезис и разработаны типологизации.

Поскольку проблема эффективности контртеррористической деятельности рассматривалась на примере Северной Ирландии, для изучения этнорелигиозного терроризма особый интерес вызывает монография Ю.М. Антоняна², который внес значительный вклад в разработку определения понятия «этнорелигиозный терроризм» и концептуализацию феномена. Подробно данный тип терроризма рассмотрен в статье Ю.В. Орлова, Ю.Б. Данильченко и А.М. Ященко³. Необходимо отметить работу исследователя С.А. Кадаифчи-Ореллана, посвященную проблематике этноконфессионального конфликта и его характерным чертам⁴.

Достаточно подробно проанализировано воздействие глобализационных процессов на этноконфессиональные конфликты и этнорелигиозный терроризм

¹ Сафонов А.К. Понятие и истоки современного терроризма / А.К. Сафонов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (57); Сидоров Б.В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства / Б.В. Сидоров // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2; Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология / Е.А. Степанова // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 7; Витюк В.В. Терроризм как политический феномен и как террористическая проблема / В.В. Витюк, И.В. Данилевич // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / Под ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. М.: Институт социологии РАН, 2003; Bell J.B. Transnational Terror / J.B. Bell. Washington, D.C.: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1975.

² Этнорелигиозный терроризм / Ю.М. Антонян, Г.И. Белокуров, А.К. Боковиков; Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2006.

³ Orlov Y. Ethno-Religious Terrorism: Essence, Dimensions, Concept / Y. Danylchenko, Y. Orlov, A. Yashchenko // Baltic Journal of Economic Studies. 2018. Vol. 4. No. 4.

⁴ Kadayifci-Orellana S.A. Ethno-Religious Conflicts: Exploring the Role of Religion in Conflict Resolution // The SAGE Handbook of Conflict Resolution / Ed. by J. Bercovitch, V. Kremenyuk, I.W. Zartman. London: SAGE, 2009.

в исследовательских работах таких авторов, как А. Бандарадж, В.А. Горбанев, Дж.М. Лутц и Б.Дж. Лутц, Е.Н. Рахманова, Г.В. Федотова и М. Юргенсмейер⁵. Для темы исследования также значимым является взгляд на процесс глобализации американского социолога и политолога С.Ф. Хантингтона⁶, автора концепции «столкновения цивилизаций».

Исследованию контртеррористической деятельности современного государства посвящено множество научных трудов отечественных и зарубежных ученых, исследователей и экспертов. Критический анализ контртерроризма, его сущность и основные направления представлены в научных трудах С.В. Будаевой, Н.В. Дегтяревой, Ю.С. Горбунова, Р. Гунаратны, Н.Г. Канунниковой, Р. Крелистана, О.В. Нардиной, В. Устинова, В. Цыганова⁷.

В рамках изучения проблем контртерроризма представляется важным выделить исследования параметров оценки эффективности мер, направленных на борьбу с терроризмом. Большое количество исследований посвящено анализу эффективности контртеррористической деятельности: соответствующие по-

⁵ Горбанев В.А. Этнические конфликты в условиях глобализации / В.А. Горбанев // Университетские чтения. 2009. URL: http://pglu.ru/upload/iblock/115/uch_2009_xi_00038.pdf. (07.03.2020); Федотова В.Г. Глобализация и терроризм / В.Г. Федотова // Космополис. 2003. № 3. URL: <http://www.politnauka.org/library/konflikt/fedotova.php>. (10.03.2020); Рахманова Е.Н. Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования / Е.Н. Рахманова. М.: Российская академия правосудия, 2009; Bandarage A. Beyond Globalization and Ethno-religious Fundamentalism / A. Bandarage // Development. 2004. Vol. 47. No. 1; Juergensmeyer M. Religious Nationalism in a Global World / M. Juergensmeyer // Religion and Nationalism. 2019. No. 10 (2). URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/10/2/97/htm>. (12.03.2020); Lutz B.J., Lutz J.M. Globalisation and Terrorism in the Middle East / B.J. Lutz, J.M. Lutz // Perspectives on Terrorism. 2015. Vol. 9. No. 5.

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003.

⁷ Будаева С.В. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом / С.В. Будаева, Н.В. Дегтярева // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 05 (108); Горбунов Ю.С. О системе мер в области борьбы с терроризмом / Ю.С. Горбунов // Вестник ТГУ. 2007. № 294; Канунникова Н. Г. Зарубежный опыт противодействия международному экстремизму и терроризму / Н.Г. Канунникова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29); Нардина О.В. Общегосударственная антитеррористическая стратегия: культурно-мировоззренческие меры противодействия терроризму / О.В. Нардина // Культура: управление, экономика, право. 2007. № 1; Устинов В.В. Обвиняется терроризм / В.В. Устинов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002; Цыганов В. Медиа-терроризм: Терроризм и средства массовой информации / В. Цыганов. Киев: Ника – Центр, 2004; Crelinsten R. Perspectives on Counterterrorism: From Stovepipes to a Comprehensive Approach / R. Crelinsten // Perspectives on Terrorism. 2014. Vol. 8. No. 1. URL: www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/321/html. (15.03.2020); Gunaratna R. Understanding the Challenge of Ideological extremism / R. Gunaratna // UNISCI Discussion papers. 2008. No. 18.

казатели разработали в своих научно-исследовательских работах К. Брэддок, Т.В. Ван Донген, Дж. Хорган, Г. Лафри, Н. Мораг, Р. Перл, М.А. Шихан⁸.

Терроризм в Северной Ирландии стал одной из самых продолжительных насильственных кампаний на территории Западной Европы, и это явление, а также методы противостояния ему раскрыты в большом количестве научных работ как зарубежных, так и отечественных авторов. Значительный интерес представляют труды М. Гастингса, К. Коуэлла-Мейерса, П. Артура, И.Ф. Луппова, Дж. Руана, Е.Ю. Поляковой, Дж. Поттера⁹, которые позволяют рассмотреть различные аспекты проблемы этноконфессионального конфликта, северо-ирландского терроризма и деятельности Ирландской республиканской армии в исторической перспективе.

Особо следует выделить научные труды, посвященные изучению методов контртеррористической деятельности Великобритании. Необходимо отметить вклад в исследование мирного процесса в Северной Ирландии таких исследователей, как К. Арчик, Б. Ахерн, Дж. МакГэрри, Б. О'Лири, А. Огей, С. Гормли-Хинан, Д. МакКиттрик и К. МакКруден¹⁰.

⁸ *Horgan J.* Rehabilitating the Terrorists?: Challenges in Assessing the Effectiveness of De-radicalization Programs / K. Braddock, J. Horgan // *Terrorism and Political Violence*. 2010. Vol. 22 (2). URL: <https://doi.org/10.1080/09546551003594748>. (16.03.2020); *LaFree G.* Efficacy of counterterrorism approaches: examining Northern Ireland / G. LaFree, R. Korte, L. Dugan // *START Research Brief*, 2006. URL: http://www.start.umd.edu/start/publications/research_briefs/20061017_lafree.pdf. (18.03.2020); *Morag N.* Measuring Success in Coping with Terrorism: The Israeli Case / N. Morag // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2005. No. 28 (4). URL: www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/321/html. (18.03.2020); *Perl R.* *Combating Terrorism: The Challenge of Measuring Effectiveness* / R. Perl. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2007; *Sheehan M.A.* *Crush the cell: How to defeat terror without terrorizing ourselves* / M.A. Sheehan. N.Y.: Crown, 2007; *Van Dongen T.W.* *Break it down: An alternative approach to measuring effectiveness in counterterrorism* / T.W. van Dongen // *Journal of Applied Security Research*. 2011. No. 6 (3).

⁹ *Луппов И.Ф.* *Западноевропейские демократии в борьбе против терроризма : монография* / И.Ф. Луппов. СПб.: Книжный дом, 2009; *Полякова Е.Ю.* *Ирландия в XX веке* / Е.Ю. Полякова. М.: КДУ, 2009; *Cowell-Meyers K., Arthur P.* *Irish Republican Army UK* // *Encyclopædia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/Irish-Republican-Army>. (05.04.2020); *Hastings M.* *Ulster 1969: The fight for civil rights in Northern Ireland* / M. Hastings. London: Gollancz, 1970; *Potter J.* *Testimony to Courage: The History of the Ulster Defence Regiment, 1969–1992* / J. Potter. Barnsley: Leo Cooper, 2008; *Ruane J.* *Conflict and reconciliation in Northern Ireland // Are the Irish different?* / Ed. by T. Inglis. Manchester: Manchester University Press, 2014.

¹⁰ *Ahern B.* *The Fate and Legacy of the Good Friday Agreement* / B. Ahern // *Harvard International Review*. 2003. Vol. 24. No. 4; *Archick K.* *Northern Ireland: The Peace Process* / K. Archick. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2015; *Aughey A.* *The Anglo-Irish Agreement: Rethinking Its Legacy* / Ed. by A. Aughey, C. Gormley-Heenan. Manchester: Manchester University Press, 2011; *McGarry J., O'Leary B.* *Consociational Theory, Northern Ireland's Conflict, and its Agreement. Part 1: What Consociationalists Can Learn from Northern Ireland* / J. McGarry, B. O'Leary // *Government and Opposition*. 2006. Vol. 41 (1); *McCrudden C.* *The Good Friday Agreement, Brexit, and Rights* / C. McCrudden. Dublin; London: Royal Irish Academy; British Academy, 2017; *McKittrick D.* *Northern Ireland: The Peace Process and the Dissident Menace* / D. McKittrick // *The Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/northern-ireland-the-peace-process-and-the-dissident-menace-9134728.html>. (11.04.2020).

Объектом исследования выступает феномен этнорелигиозного терроризма как дестабилизирующий фактор современности.

Предмет исследования – совокупность политических и антитеррористических методов и стратегия противодействия этнорелигиозному североирландскому терроризму в Великобритании.

Цель исследования заключается в анализе контртеррористической деятельности современного государства и выявлении эффективных методов противодействия террористическим угрозам на примере Северной Ирландии.

Основные задачи исследования:

1. рассмотреть особенности феномена этнорелигиозного терроризма, изучив его сущность в ретроспективе и в условиях глобализирующегося мира;
2. выявить основные направления борьбы с терроризмом и показатели эффективности контртеррористической деятельности;
3. раскрыть сущность североирландского терроризма, определив его истоки, развитие и факторы эскалации;
4. изучить контртеррористическую стратегию Великобритании, ее политические и антитеррористические составляющие;
5. оценить эффективность урегулирования этноконфессионального конфликта в Северной Ирландии, выявить проблемы и сохраняющиеся противоречия;
6. провести анализ влияния выхода Великобритании из Европейского Союза на мирный процесс в регионе и на уровень насилия среди католического и протестантского населения.

Теоретические и методологические основы исследования

Терроризм рассматривается автором в рамках теории конфликтов как противостояние двух общин; этноконфессиональный конфликт является основной причиной этнорелигиозного терроризма, исследуемого автором с целью изучения эффективности контртеррористической деятельности.

Методология исследования основывается на совокупности общенаучных и специальных методов познания, позволяющих наиболее полно проанализировать изучаемое явление. В качестве исходных принципов исследования выбраны сравнительно-исторический, структурно-функциональный, системный и институциональный подходы.

Сравнительно-исторический подход представляет собой исследовательский метод изучения становления и трансформации феномена этнорелигиозного терроризма. Структурно-функциональный и системный подходы позволили комплексно рассмотреть предмет исследования, изучить взаимосвязь компонентов сложных политических процессов и механизмы функционирования сложной системы, поддержания ее стабильности. Благодаря институциональному подходу были изучены место и роль политических институтов в урегулировании этноконфессиональных конфликтов. Кроме того, институциональный подход с элементами структурно-функционального анализа использован для исследования эффективности контртеррористической деятельности в целом. Метод статистического анализа также позволил отследить динамику террористической активности и дать оценку эффективности контртерроризма.

Особое значение имеет метод Case Study – исходный принцип исследования, позволяющий изучить конкретный случай (этноконфессиональный конфликт в Северной Ирландии и этнорелигиозный терроризм как его значимая составляющая, а также политика Великобритании по урегулированию насильственного противостояния католиков и протестантов). Ценность данного подхода заключается во всестороннем и многогранном исследовании сложной проблематики терроризма и контртерроризма на примере Северной Ирландии.

Источниковедческая база исследования

Предметный анализ литературы позволил сформировать целостное научное знание об исследуемой теме и комплексно проанализировать проблему североирландского терроризма и эффективность предпринимаемых Великобританией мер по урегулированию кризиса в Северной Ирландии.

Эмпирическую базу исследования составили международно-правовые акты ООН и ЕС по борьбе с терроризмом, концепции, стратегии и иные программные документы; отчеты Европейского Союза о ситуации в области противодействия террористической деятельности. В работе также использовались результаты социологических мониторингов службы Евробарометр, действующей в странах Евросоюза под эгидой Европейской комиссии.

Большое значение для работы над исследованием имели антитеррористическое законодательство Великобритании; тексты соглашений о политическом урегулировании североирландского конфликта; результаты переписи населения Северной Ирландии; информация, содержащаяся на официальных сайтах правительства Великобритании и МИ-5.

Автор также обращался к базе данных о террористических актах Global Terrorism Database для изучения динамики развития террористической угрозы и конкретных терактов на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Определенное внимание уделялось материалам периодических изданий, местным новостным сайтам.

Научная новизна может быть определена в следующих положениях:

1. Проведен предметный анализ этноконфессионального конфликта в Северной Ирландии и террористической деятельности Ирландской республиканской армии, как важной его составляющей, сквозь призму целостного изучения феномена этнорелигиозного терроризма;
2. Проанализирован процесс мирного урегулирования североирландского конфликта путем изучения и оценивания отдельных компонентов контртеррористической деятельности в Северной Ирландии, что позволило выявить, насколько эффективны конкретные антитеррористические меры и по какой цепочке причинно-следственных связей они помогли достичь успеха;
3. Предпринята попытка дать комплексную оценку последствий Brexit для Северной Ирландии и влияния выхода Великобритании на уровень

террористической активности как республиканских, так и лоялистских военизированных формирований.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Тема терроризма и контртеррористической деятельности достаточно популярна в научных кругах; явление этнорелигиозного терроризма и мирный процесс в Северной Ирландии представляют значительный интерес для исследователей. Однако наблюдается недостаток политологических исследований, в которых был бы проведен комплексный анализ этнорелигиозного терроризма и контртерроризма в Северной Ирландии в контексте проблемы повышения эффективности антитеррористических мер в условиях современности, чем обусловлен выбор темы выпускной квалификационной работы. Практическая значимость исследования заключается в том, что представленные в работе положения и выводы могут быть использованы при разработке мероприятий по повышению эффективности контртеррористической деятельности современных государств, а также при формировании системы политических мер по профилактике и противодействию терроризму.

ГЛАВА 1. ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА

1.1. Сущность и концептуальные аспекты феномена этнорелигиозного терроризма

Терроризм является многомерным и сложным феноменом. Анализ генезиса терроризма позволяет говорить о том, что данный феномен существовал на протяжении всей истории человечества со времен возникновения государственности, менялись лишь его формы и способы проявления¹¹. Это историческое явление возникло под влиянием совокупности условий и факторов, многообразие предпосылок определило пути его зарождения и развития.

Одной из важнейших проблем в исследовании дефиниции терроризма до сих пор остается отсутствие его общепризнанного определения. Как в академических, так и в политических кругах нет единого мнения относительно сущности терроризма. Отсутствие консенсуса во многом объясняется тем, что не существует ни одной разновидности, ни единой тактики: акторы, средства и мотивы террористических актов постоянно изменяются.

Размытость и нечеткость понятия «терроризм» – преимущественно следствие его политической, а не академической природы¹². Проблема отсутствия общепризнанного определения термина хорошо известна, и широко изучено отличие терроризма от партизанской войны, преступности или безумных серийных убийств. Однако остается открытым один из важнейших вопросов: почему террористы и террористические организации, маркированные так одной группой, для другой являются борцами за свободу и справедливость? Одним из оснований для определения выступает самоидентификация человека с жертвой

¹¹ Сафонов А.К. Понятие и истоки современного терроризма. С. 64-66.

¹² Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология. С. 23.

нападения или с виновником произошедшего¹³. Однако этот вопрос стал трудным препятствием в борьбе с терроризмом. Понятие «терроризм» остается двусмысленным и удобным для манипуляций.

Среди многообразия трактовок следует выделить наиболее общие характеристики феномена. Прежде всего, действия террористов направлены на достижение общественного резонанса, создаваемого ради достижения собственных интересов благодаря страху. «Терроризм – это в первую очередь устрашение, наведение страха, создание атмосферы ужаса для достижения каких-либо целей, в частности, принятия определенных решений третьей стороной»¹⁴.

Значимый критерий террористического акта – это гражданское население и объекты, выступающие в качестве основной мишени террористического насилия или намерения его осуществить. Отличительной чертой терроризма является и его публичный характер. Политические цели достигаются путем давления на общество и властные структуры как отдельных государств, так и международных организаций¹⁵.

Одним из существенных признаков терроризма называют его асимметричный характер. Е.А. Степанова определяет терроризм как специфическое оружие «слабых» против «сильных». Террористические группировки являются «слабой стороной», менее оснащенной в военном и техническом плане и обладающей более низким формальным статусом.

Иными словами, «терроризм – это своего рода представление, спектакль, который включает использование или угрозу насилия против гражданских целей, но поставлен и разыгран террористами специально для другой, третьей стороны, которая и есть их зритель и конечный объект воздействия»¹⁶. В каче-

¹³ *Spencer A.* Questioning the Concept of «New Terrorism» / A. Spencer // *Peace, Conflict & Development*. 2006. No. 8. P. 2.

¹⁴ Этнорелигиозный терроризм. С. 13.

¹⁵ *Сидоров Б.В.* Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства. С. 115-116.

¹⁶ *Степанова Е.А.* Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология. С. 26.

стве «зрителя» выступает государство, а на международном уровне – группа государств, международные организации или мировое сообщество в целом¹⁷.

Отечественные и зарубежные ученые предлагают множество классификаций терроризма, в основе которых лежит ряд специфических критериев.

В.В. Витюк и И.В. Данилевич выделили разновидности терроризма в соответствии с доминирующей мотивацией вооруженной группировки:

1. Социально-политический (идеологический), направленный на частичное или коренное изменение политического или экономического строя. Левореволюционная, анархистская и правозэкстремистская разновидности терроризма объединяет отрицательное отношение к существующей системе.

2. Националистический, или этносепаратистский, вырастающий на почве территориальных притязаний и конфликтов. Практикуется национально-освободительными движениями и антиправительственными организациями для обретения политической самостоятельности национальных общностей и борьбы против диктата.

3. Религиозный, выступающий в виде борьбы последователей разных религий или социально-религиозных движений. Иногда целью религиозного терроризма является свержение светской власти и установление религиозной¹⁸.

Американский исследователь Дж. Белл выделил шесть типов терроризма: криминальный, психопатический, революционный, санкционированный властями, терроризм «бдительности» и эндемический¹⁹.

Советский и российский правовед Ю.М. Антонян предложил свою классификацию, охватывающую весь спектр проявления терроризма: политический, государственный, этнорелигиозный, общеуголовный, военный, «идеалистический» и партизанский²⁰.

Ю.М. Антонян внес значительный вклад в разработку определения этнорелигиозного терроризма, его монография является фундаментальной. В каче-

¹⁷ Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология. С. 26.

¹⁸ Витюк В.В. Терроризм как политический феномен и как террористическая проблема. С. 25-26.

¹⁹ Bell J.V. Transnational Terror. Pp. 10-18.

²⁰ Этнорелигиозный терроризм. С. 14.

стве важнейшего мотива для этнорелигиозного терроризма в монографии под редакцией ученого выделяется стремление обеспечить «торжество своей нации или (и) религии; реализацию национальных и религиозных идей, в том числе сепаратистских, за счет подавления или даже уничтожения других национальных и религиозных групп»²¹.

В узком смысле под этнорелигиозным терроризмом понимается насильственное преступление, в основе которого лежит религиозно-идеологическое и/или этническое доминирование и влияние в социально-политической системе, которое достигается путем запугивания посредством убийств, уничтожения или нанесения вреда имуществу и другим материальным объектам, а также других видов преступлений (финансовые, информационные, экологические и т.д.).

В широком смысле, этнорелигиозный терроризм – явление современной цивилизации, идеология насилия, враждебности и ненависти по признакам религиозной и/или этнической принадлежности, воплощенная в социально-политической, а также в соответствующей преступной и антиобщественной деятельности, что отражается в стремлении к гомогенизации общества, утверждении религиозной и/или этнической идентичности²².

Этнорелигиозный терроризм представляет собой сложный и относительно новый феномен: его появление ряд исследователей связывает со второй половиной XX в. Исследуемый вид терроризма в современном мире является одним из самых распространенных и опасных.

Террористические акты этнорелигиозного характера чаще всего организовываются представителями той нации, за чьи интересы борются террористы. Этнорелигиозный характер терроризма определяется и его поддержкой националистических и сепаратистских идей на местном и национальном уровнях.

Этнорелигиозный терроризм вырастает на почве экстремизма. Феномен этнорелигиозного экстремизма требует дальнейшего изучения, неоднократно предпринимались попытки определить его сущность. Этнорелигиозный экс-

²¹ Этнорелигиозный терроризм. С. 15.

²² Orlov Y. Ethno-Religious Terrorism: Essence, Dimensions, Concept. P. 250.

тремизм, как социальное явление, представляет собой «приверженность крайним взглядам и методам действий по достижению групповых целей»²³. Он порождается межконфессиональными и межэтническими противоречиями и нетерпимостью в общественных отношениях; этнический и религиозный компоненты неразрывно связаны в системе субъективных взглядов, установок и ценностей и представляют собой мобилизующий ресурс.

Такой экстремизм часто характеризуется как основа для политической борьбы в террористической форме. Этнический менталитет, воплощенный в политической идеологии и религии, становится надежным средством социального обновления и мобилизации в условиях аномии, что подтверждается обширным историческим опытом.

Этнорелигиозный терроризм не может быть принципиально описан дихотомически, как фактор и продукт противостояния между исламом и христианской религией или какими-либо другими глобальными религиозными идеологиями. Этот тип терроризма также воспроизводится на основе противостояния между представителями одной и той же религии, но разных конфессий: между ирландцами-католиками и англичанами-протестантами, между суннитами и шиитами и т.д.²⁴. В данном контексте целесообразно употребление термина «этноконфессиональный терроризм»: в основе терроризма этноконфессиональной направленности лежит этноконфессиональный конфликт.

В настоящем исследовании под «этнорелигиозными конфликтами» понимаются такие конфликты, в которых религия является неотъемлемой частью социально-культурной жизни общества и религиозные институты обладают моральным авторитетом и мобилизационным потенциалом, а их ценности разделяет значительная часть сообщества. Противоборствующие стороны в таких конфликтах идентифицируют себя по этноконфессиональному признаку²⁵.

²³ Русанова О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северокавказского региона) / О.А. Русанова // Вестник Московского университета. 2015. № 2. С. 110-111.

²⁴ Orlov Y. Ethno-Religious Terrorism: Essence, Dimensions, Concept. Pp. 245-248.

²⁵ Kadayifci-Orellana S.A. Ethno-Religious Conflicts: Exploring the Role of Religion in Conflict Resolution. P. 265.

Следует выделить основные причины возникновения этноконфессиональных конфликтов: стремление к перераспределению материальных благ и иные экономические основания; несовпадение этнических, национальных и религиозных границ, предъявление вследствие этого территориальных, политических и иных претензий одной нации другой, а также желание сделать свое государство мононациональным или монорелигиозным; политическая борьба, опирающаяся на национальное и националистическое движение; ущемление или нарушение прав и свобод представителей определенной нации (этноса); непродуманная политика центральных органов власти в отношении развития этнических регионов²⁶.

Этноконфессиональный конфликт отличается от других видов конфликтов следующими характерными чертами:

1. Центральная роль вопросов идентичности: большинство конфликтов сегодня являются конфликтами идентичности, где стороны определяют себя по этнорелигиозным признакам. Важным фактором в этнорелигиозной идентичности выступает большой потенциал усиления групповой сплоченности. Неравенство и угнетение одной или нескольких этнорелигиозных групп приводят к этнорелигиозным конфликтам.

2. Внутригосударственный характер: этноконфессиональные конфликты часто бывают внутригосударственными и возникают, например, в общинах с давней историей напряженности, в постколониальных странах или в условиях политической или экономической нестабильности. Важно отметить, что после разрешения конфликта его стороны будут продолжать соседствовать друг с другом, поэтому необходимо примирить противников, трансформировав негативные образы в позитивные и создав структуры для урегулирования конфликта до того, как он перерастет в насилие.

3. Неразрешимость: конфликты, основанные на этнорелигиозной идентичности, обычно гораздо сложнее разрешаются, чем конфликты из-за ресур-

²⁶ Этнорелигиозный терроризм. С. 36-37.

сов. Этноконфессиональные конфликты, как правило, принимают длительный, трудноразрешимый и затяжной характер.

4. Влияние колонизации: многие общества, в которых разгораются этноконфессиональные конфликты, страдают от последствий колониализма и империализма. Исторически, чтобы контролировать и управлять местными общинами, колонизаторы прибегали к политике «разделяй и властвуй» и создавали политические системы, которые благоприятствовали определенным этнорелигиозным общинам, что вызывало вражду. Сегодня многие из этих сообществ отстают от Запада в материально-техническом и научном отношении. Большинство из них страдает от крайней нищеты.

5. Религиозность: религия и религиозные институты играют центральную роль в этноконфессиональных конфликтах. Религиозные верования, священные тексты и образы часто искажаются и используются для разжигания ненависти, они становятся мощным источником легитимации и оправдания насилия²⁷.

Религия может быть использована для содействия как насилию, так и миру. Священные тексты допускают множественные толкования, в них можно найти и обоснование справедливости применения насилия, и его осуждение, проповедь любви и милосердия. Некоторые аспекты религиозных текстов могут быть использованы для узаконивания войны или формирования негативного образа врага, а этноконфессиональные конфликты интерпретируются как борьба добра со злом. Поэтому контртеррористическая деятельность предполагает положительное толкование ценностей, мифов и священных текстов и стремление служителей церкви всех конфессий мобилизовать людей для примирения²⁸.

Таким образом, сущность этнорелигиозного терроризма представляет собой феномен враждебности и насильственных практик этноконфессиональных групп. В большинстве своем он носит организованный характер и аккумулиру-

²⁷ *Kadayifci-Orellana S.A.* Ethno-Religious Conflicts: Exploring the Role of Religion in Conflict Resolution. Pp. 265-266.

²⁸ *Naseri C.N.* Religion and Terrorism Identifying The Relationship / C.N. Naseri // Contemporary Journal of Arts and Science. 2015. Vol. 1. No. 1.

ет националистические, религиозные и политические факторы. Зачастую этноконфессиональные конфликты и их террористическая составляющая тесно связаны с мировой политикой и международными отношениями на государственном уровне.

Необходимо отметить, что в научных работах, посвященных исследованию терроризма, неполно раскрыто влияние национальных и конфессиональных факторов террористической деятельности. Рассмотренные выше содержательно-концептуальные аспекты этнорелигиозного терроризма не дают полной картины этого феномена.

Современный этнорелигиозный терроризм представляет собой сложную, относительно устойчивую систему, долговременный фактор политической жизни. Терроризм все больше угрожает безопасности стран и их населению и является одной из глобальных проблем современности. Его природа формирует эмпирически обоснованную теоретическую базу для повышения эффективности противодействия этнорелигиозному терроризму в Европе и мире в целом.

1.2. Этнорелигиозный терроризм в условиях глобализации

Глобализация оказывает влияние на все сферы жизни мирового сообщества. Несмотря на то, что вошедший в научный оборот в 1980-х гг. термин «глобализация» считается относительно новым, исследователями широко изучены сущностные характеристики глобализационного процесса. Однако единое общепринятое определение глобализации в современной политической науке отсутствует. Один из наиболее подробных анализов феномена был осуществлен известным немецким социологом и философом У. Беком.

Феномен глобализации затрагивает не только экономический аспект (процесс объединения рынков), но и области политики и международных отношений, представляя собой процессы формирования «паутины транснациональных акторов»²⁹. Кроме того, в более широком смысле глобализация – это также планетарные средства массовой информации и коммуникационные технологии, массовая культура и экологические проблемы. В конечном счете, глобализационные процессы включают в себя чувство глобальной гражданственности и приверженность мировому порядку³⁰.

Современные этнорелигиозные движения теперь не только ссылаются на идеологию так называемых «воображаемых сообществ» (концепция, разработанная Б. Андерсоном в 1983 г.)³¹ и возвращение к славному прошлому этнической или религиозной чистоты, они усложняются благодаря использованию современных СМИ, передвижению финансов на глобальном уровне и применению новейшего оружия для достижения своих целей³².

Большинство современных этноконфессиональных конфликтов идентичности часто происходит между общинами, живущими в непосредственной бли-

²⁹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек; Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 26.

³⁰ Juergensmeyer M. Religious Nationalism in a Global World. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/10/2/97/html> (12.03.2020).

³¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016.

³² Bandarage A. Beyond Globalization and Ethno-religious Fundamentalism. P. 36.

зости друг от друга. Такие конфликты обычно имеют давнюю историю насилия и грубых нарушений прав человека. Однако следует уделить отдельное внимание изучению взаимосвязи этнорелигиозного терроризма и глобализации.

Благодаря глобализационным процессам формируется не только глобальная экономическая и политическая модель, но и происходит унификация культуры, размывается богатая палитра самобытного культурного наследия. Обратная сторона глобализации порождает разрушение национально-культурного менталитета и угрозу неприятия утраты разнообразия национальных культур.

В данном контексте процесс глобализации стимулирует обострение как конфликтов, имеющих глубокие исторические корни, так и новых этноконфессиональных противоречий, всё чаще принимающих форму враждебных и вооруженных противостояний. Примерами таких конфликтов являются распад Югославии и следующая за ним этноконфессиональная война в Боснии, вооруженные конфликты в Эритрее, Судане, Шри-Ланке, вспышки этноконфессионального экстремизма в Индонезии и на Филиппинах. Это затронуло и считавшуюся прежде благополучной Западную Европу (например, проблема Северной Ирландии в Великобритании, острая проблема Басконии в Испании)³³.

Указанные выше этноконфессиональные конфликты свидетельствуют о насильственном потенциале неприятия процессов глобализации и трансформации мира сообществами, находящимися на периферии прогресса и развития и не имеющими других средств, кроме как силовое сопротивление глобализационным процессам, принимающее формы экстремизма и терроризма. В данном контексте важно отметить позицию российского ученого В.Г. Федотовой, полагающей, что «терроризм явился спутником глобализации, незаконнорожденным дитя этого феномена, направившим, как это ни парадоксально, свои усилия на его подрыв. Глобализация породила терроризм как глобальную угрозу и в то же время получила от него сокрушительный удар. Ощущение опасности,

³³ Горбанев В.А. Этнические конфликты в условиях глобализации. URL: http://pglu.ru/upload/iblock/115/uch_2009_xi_00038.pdf. (07.03.2020).

риска стало всеобщим и постоянным, в особенности в США, стране, прежде не знавшей серьезных угроз своему существованию»³⁴.

Наблюдается тенденция выхода региональных этноконфессиональных процессов современности на глобальный уровень. Террористическая угроза приобрела международный характер. Несмотря на то, что к 2018 г. территориальный контроль ИГИЛ составил всего 2%, глобальная сеть активистов-джихадистов, связанных через социальные сети в Интернете, продолжает свое функционирование. Некоторые из них продолжают готовить террористические атаки на своих предполагаемых врагов – США и Европу. Когда Всемирный торговый центр был разрушен в результате воздушных атак 11 сентября 2001 г., целью была не только Америка, но и мощь глобальной экономической системы, которую символизировали здания³⁵. Международные террористические организации ИГИЛ и «Аль-Каида», как часть глобального джихада, видели себя вовлеченными в то, что американский политолог Сэмюэл Хантингтон назвал «столкновением цивилизаций»³⁶.

Необходимо отметить точку зрения, согласно которой в условиях глобализации этнорелигиозный терроризм является прямым следствием конфликта культур. «Современный этнорелигиозный терроризм представляет собой главным образом столкновение двух мировых культур – ислама и христианства, Востока и Запада, если понимать их не географически, а как ареалы распространения определенных цивилизаций. Это столкновение двух ментальностей, двух мировосприятий, двух отношений к жизни и труду»³⁷. Терроризм часто понимается как культурный феномен, включающий различные и противоречивые идеологические представления о социальных и политических реалиях.

Можно выделить две формы столкновения цивилизаций: между соседними государствами и внутригосударственные этноконфессиональные против-

³⁴ Федотова В.Г. Глобализация и терроризм. URL: <http://www.politnauka.org/library/konflikt/fedotova.php> (10.03.2020).

³⁵ Juergensmeyer M. Religious Nationalism in a Global World. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/10/2/97/html> (12.03.2020).

³⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.

³⁷ Этнорелигиозный терроризм. С. 39.

речия. Примером разногласий межгосударственного характера является острый Индо-Пакистанский конфликт. Вторая форма предполагает развитие конфронтации внутри государства между этническими и/или религиозными группами (например, противостояние в современной Сербии албанцев (мусульман) и венгров (христиан-католиков), с одной стороны, и сербов (православных христиан), с другой). Локальные противоречия становятся конкретным фронтом геополитического конфликта³⁸.

Глобализация представляет собой угрозу для национальных культур, так как делает человека более осведомленным о существующем культурном многообразии. Глобализационные процессы привели к потере самобытности и разожгли этнические разногласия, поскольку «национальная идентичность» рискует оказаться объектом манипуляции со стороны правительств ради достижения собственных интересов. Сторонники глобализации, напротив, устремлены заменить традиционные националистические чувства «супернационалистическим» – ощущением принадлежности ко всему человечеству. «Но именно потому, что новая система хозяйствования становится все более глобальной, экспортируя наряду с товарами и услугами безработицу, загрязнение окружающей среды и соответствующую культуру, мы являемся свидетелями постоянно растущей обратной реакции и оживления националистических настроений в мире высоких технологий»³⁹. Этнорелигиозный терроризм становится выражением ненависти по отношению к «чужим» этническим и религиозным сообществам.

Возникновение новых форм религиозного национализма в к. XX – нач. XXI вв. в значительной степени является побочным продуктом глобализации. Можно спроецировать как минимум три различных варианта будущего религиозного и этнического национализма в глобальном мире: некоторые формы этнорелигиозной политики носят глобальный характер, другие – антиглобальны,

³⁸ Голубева А.С. Влияние глобализации на этнические процессы в современном мире / А.С. Голубева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 46-47.

³⁹ Рахманова Е.Н. Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования. С. 95.

а третьи характеризуются стремлением создать собственное национальное государство⁴⁰.

Сами террористы, те, кто борется с терроризмом, и средства массовой информации имеют тенденцию ссылаться на культурные переменные, чтобы придать смысл насильственным террористическим действиям. Часто в литературе и, особенно, в продукции СМИ происходит подмена понятий «терроризм» и «партизанская война» для оправдания действий террористов. Такая интерпретация, возлагающая вину за терроризм на религиозные и культурные особенности, рискует быть заклеянной как фанатичная.

Стоит отметить, что ряд аспектов глобализации часто воспринимаются этнорелигиозными сообществами как нейтральные, а в некоторых случаях полезные для достижения их целей. Информационно-коммуникационные технологии и, в частности, Интернет-коммуникация позволяют членам этнических и религиозных общин поддерживать тесную взаимосвязь, несмотря на их географическое распределение. Эти этнорелигиозные группы не ограничены какими-либо политическими границами или национальными властями.

Феномен этнорелигиозного терроризма – это продукт проводимой странами Запада политики вестернизации, порождающий активность террористических группировок различной этнической и религиозной принадлежности по всему миру.

Политика интеграции и терпимости стала одной из первопричин экстремизма, радикализации и терроризма среди поколения молодых людей, не чувствующих своей принадлежности и не желающих ассимилироваться⁴¹. Традиционные семьи, общинные ценности и культурные традиции разрушаются перед лицом массовых экономических и культурных изменений, включая крупномасштабную миграцию. Стремительное распространение западной культуры и английского языка подрывает местные культурные и языковые традиции, по-

⁴⁰ Juergensmeyer M. Religious Nationalism in a Global World. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/10/2/97/html>. (12.03.2020).

⁴¹ Postelnicescu C. Europe's New Identity: The Refugee Crisis and the Rise of Nationalism / C. Postelnicescu // Europe's Journal of Psychology. 2016. Vol. 12. No. 2 URL: <https://ejop.psychopen.eu/index.php/ejop/article/view/1191/html>. (17.02.2020).

рождая глубокие внутренние конфликты. Многие молодые люди чувствуют, что их национальные культуры неполноценны и бесполезны, у них складывается ощущение, что они никогда не смогут добиться успеха в современном мире. Возникающее в результате чувство непричастности порождает смесь страха, тревоги, отчаяния и гнева в сознании молодого поколения во всем мире⁴².

Глобализация и вестернизация по своей природе имеет потенциал, подрывающий традиционные религиозные ценности в обществе, и исламские группы четко отреагировали на угрозы, которые представляет для них глобализация. Современные технические средства сделали возможным ведение борьбы в интересах исламской уммы⁴³.

Глобальное сопротивление мусульманских стран общему врагу – Западу – выражается в самой бесчеловечной форме, такой как терроризм. Однако это не означает, что терроризм приемлем в исламе и для мусульман. Терроризм никогда не станет частью исламского учения, ислам и исламский закон последовательно осуждают практику террора⁴⁴. Исламская традиция ограничивает применение насилия: истоки терроризма в мусульманской общине кроются в неверном понимании и толковании джихада как заповеди Корана⁴⁵. Джихад не является «священной борьбой» в прямом смысле, это, прежде всего, «усилие», «борьба» со своими пороками.

Стоит отметить положительный эффект глобализации, который выражается в содействии более эффективному распространению таких идей, как демократия, права человека, справедливость и развитие. Многие авторы определяют глобализацию как предвестие новой эпохи мира и демократизации (Н.Н. Моисеев, В.А. Ачкасов, Р. Робертсон и другие).

Отсутствие демократических ценностей, принципа прав человека, институтов, способствующих социальной и экономической справедливости и устойчивому развитию, может привести к росту структурного насилия, которое в эт-

⁴² *Bandarage A. Beyond Globalization and Ethno-religious Fundamentalism. P. 37.*

⁴³ *Lutz B.J., Lutz J.M. Globalisation and Terrorism in the Middle East. P. 29.*

⁴⁴ *Praja J.S. Islam, Globalization and Counter Terrorism / J.S. Praja // 132nd International Senior Seminar Visiting Experts' Papers. 2007. No. 71. Pp. 32-33.*

⁴⁵ *Ibid. P. 37.*

нически или религиозно разделенных обществах может привести к возникновению и росту прямого насилия. По этой причине утверждение основных ценностей демократии, принципа обеспечения соблюдения прав и свобод человека, а также формирование демократических институтов должны стать факторами, способствующими предотвращению и разрешению этноконфессиональных конфликтов и снижению уровня террористических угроз. Важно отметить, что демократизация может разжигать, а не смягчать конфликты, поэтому необходимо учитывать социально-культурные особенности и политическую подготовленность общества⁴⁶.

Распространение идеи прав человека, призывы к этнорелигиозной толерантности и проведению политики мультикультурализма во всем мире должны сочетаться с требованиями экономической справедливости. Удовлетворение основных потребностей человека в пище, воде, жилье, образовании и чувстве защищенности является необходимым условием для сдерживания этноконфессиональных конфликтов, как и контроль за производством и распространением оружия и трансляцией насилия в глобальных СМИ⁴⁷.

Таким образом, глобализация, как объективный и закономерный процесс развития человечества, имеет как положительные, так и негативные последствия. В ряде случаев этноконфессиональные противоречия, уходящие своими корнями в прошлое, перетекают в конфликтную стадию из-за неравномерности экономического и политического развития регионов, ведущего к их экономическому и социальному отставанию. В иных случаях подавление самобытности и культурная унификация мирового сообщества стимулируют этноконфессиональные конфликты и порождают защитные реакции, в частности, со стороны мусульманской общины⁴⁸.

⁴⁶ *Ogbuleke L.E.* Democracy and Ethno-Religious Conflicts in Jos, Plateau State, Nigeria (2007–2012) / L.E. Ogbuleke // Irish Interdisciplinary Journal of Science & Research (IIJSR). 2019. Vol. 3 (2). URL: <https://ssrn.com/abstract=3418857>. (19.02.2020).

⁴⁷ *Bandarage A.* Beyond Globalization and Ethno-religious Fundamentalism. P. 40.

⁴⁸ *Горбанев В.А.* Этнические конфликты в условиях глобализации. URL: http://pglu.ru/upload/iblock/115/uch_2009_xi_00038.pdf. (11.03.2020).

Этноконфессиональные группы боятся, что глобализационные процессы подорвут традиционные религиозные и этнокультурные ценности, легитимность их собственных основ идентичности и власти. Этнические и религиозные сообщества реагируют на угрозы глобализации и унификации часто действиями насильственного характера, такими как экстремизм и терроризм. Более того, методы терроризма становятся все более непредсказуемыми и внезапными, их совершенствование происходит под воздействием глобализации и технического прогресса.

В заключение стоит отметить, что влияние глобализационных процессов на национальные и конфессиональные детерминанты террористической деятельности, а также выработку эффективной контртеррористической стратегии следует подвергнуть дальнейшему изучению. Комплексная стратегия противодействия современному этнорелигиозному терроризму в Европе и в мире должна скоординировать и охватить все основные меры по борьбе с террористической деятельностью. Важнейшим направлением в борьбе с этнорелигиозным терроризмом представляется содействие диалогу различных этнических, религиозных и культурных сообществ, достижение компромисса и искоренение нетерпимости и ненависти.

Как движение «антиглобалистов», так и движение за сохранение национальной культуры нуждаются в переосмыслении. Для создания более сбалансированных моделей человеческого и планетарного развития на основе сочетания позитивных атрибутов глобализации и мобилизации этнокультурного ресурса мы должны перейти от философии к конкретным стратегиям перемен.

1.3. Контртерроризм в современном мире: специфика и показатели эффективности

Терроризм является одним из наиболее опасных явлений, угрожающих миру, стабильности и безопасности, а также препятствующих осуществлению прав и свобод человека и обеспечению устойчивого социального и экономического развития современных государств. Страны полны решимости принимать эффективные меры в области предупреждения терроризма и борьбы с ним.

Контртерроризм представляет собой совокупность политических мер, антитеррористических операций и программ, осуществляемых правительственными органами в целях противодействия террористической угрозе. В научной литературе можно встретить точку зрения, согласно которой антитеррористическая деятельность должна аккумулировать три направления борьбы с терроризмом: превентивное (предупреждение, выявление и пресечение терактов), регулятивное (использование правовых, административных, информационных и политических методов противодействия) и репрессивное (применение силовых и карательных мер по нейтрализации и обезвреживанию террористов)⁴⁹.

Исходя из названных направлений, можно выделить два компонента, составляющих контртеррористическую деятельность:

- 1) Комплекс мер, предпринимаемых для предотвращения и нейтрализации угрозы терроризма;
- 2) Меры, направленные на снижение уязвимости людей и состояния их психического здоровья, а также материальной инфраструктуры от разрушительных последствий террористических актов⁵⁰.

Для успешной борьбы с терроризмом применяется комплекс мер, направленных на решение глобальной проблемы. Противодействие террористической угрозе требует широкого сотрудничества между такими службами, как поли-

⁴⁹ Устинов В. Обвиняется терроризм. С. 16.

⁵⁰ Цыганов В. Медиа-терроризм: Терроризм и средства массовой информации. С. 91.

ция, разведывательные службы, образовательные, социальные и медицинские службы. Сотрудничество может быть национальным, международным или местным⁵¹.

Центральное место в системе контртерроризма занимает совершенствование национального законодательства в сфере борьбы с терроризмом. Вносятся поправки в законодательные определения, в частности, происходит пересмотр террористических актов как особого, сложного вида преступности. Производится ужесточение мер пресечения террористической деятельности и санкций за содействие террористическим актам. Компетентным органам предоставляются дополнительные полномочия, необходимые для эффективной борьбы с терроризмом. Регулируются миграционные процессы. Совершенствуются механизмы ответственности за несоблюдение требований антитеррористического законодательства. Криминализируются новые проявления террористической и экстремистской деятельности (например, биотерроризм, кибертерроризм). Национальная нормативно-правовая база в области борьбы с терроризмом совершенствуется во всех аспектах⁵².

Одним из приоритетных направлений является совершенствование международно-правовой базы, механизмов сотрудничества стран и взаимодействия их компетентных органов для противодействия терроризму.

В настоящее время под эгидой Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений разработано 16 международных соглашений (13 конвенций и 3 протокола), направленных на борьбу с терроризмом и открытых для участия всех государств мира⁵³.

Одним из векторов антитеррористической деятельности ООН является определение стратегических направлений и принципов борьбы с терроризмом. В 1994 г. резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН была принята Декларация о мерах по ликвидации терроризма. Этот документ призывает все госу-

⁵¹ Counterterrorism evaluation: Taking stock and looking ahead / J. Bellasio [et al.]. Brussels: RAND Europe, 2018. P. 61. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2628.html. (16.03.2020).

⁵² Горбунов Ю.С. О системе мер в области борьбы с терроризмом. С. 224.

⁵³ Перечень конвенций и соглашений ООН // Сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_terrorism.shtml. (16.03.2020).

дарства мира делать все возможное для предотвращения и ликвидации последствий терактов⁵⁴.

Значимой частью мирового правового режима является серия антитеррористических резолюций Совета Безопасности ООН. В качестве одной из важнейших можно выделить резолюцию 1373, принятую после террористических актов в США 11 сентября 2001 г. Резолюция 1373 налагает на государства широкие юридические обязательства в области противодействия терроризму:

- 1) ввести уголовную ответственность за экономическую поддержку террористической деятельности;
- 2) незамедлительно блокировать любые средства террористов и связанных с ними лиц;
- 3) не финансировать ни в какой форме террористические группировки;
- 4) не предоставлять убежище или поддержку террористам;
- 5) обмениваться любой информацией о террористических группировках с правительствами других государств;
- 6) сотрудничать с правительствами других государств в расследовании, обнаружении, аресте, выдаче и преследовании лиц, замешанных в террористических актах;
- 7) установить в национальном праве уголовную ответственность за любого рода содействие терроризму и передавать нарушителей суду⁵⁵.

Важным шагом стало принятие в 2006 г. Глобальной Контртеррористической стратегии ООН, на данный момент являющейся уникальным документом, укрепляющим национальные, региональные и международные усилия по борьбе с терроризмом⁵⁶. В основу Стратегии положен доклад Генерального секретаря ООН от 2 мая 2006 г. – «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии».

⁵⁴ Будаева С.В. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом. С. 66.

⁵⁵ Резолюция 1373 (2001) Совета Безопасности ООН // Сайт ООН. URL: https://www.unodc.org/pdf/crime/terrorism/res_1373_russian.pdf. (17.03.2020).

⁵⁶ Глобальная контртеррористическая стратегия ООН. Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2006 г. // Сайт ООН. URL: <https://www.un.org/victimsofterrorism/ru/node/233>. (17.03.2020).

Глобальная Контртеррористическая Стратегия ООН в форме резолюции и прилагающегося Плана действий (60/288) содержит 4 основных раздела:

- 1) устранение условий, способствующих распространению терроризма;
- 2) предотвращение терроризма и борьба с ним;
- 3) укрепление потенциала государств и роли системы ООН в области предотвращения и борьбы с терроризмом;
- 4) обеспечение всеобщего уважения прав человека и верховенства права⁵⁷.

В рамках международного сотрудничества также создаются и функционируют различные специализированные международные организации. Одной из самых важных является Контртеррористический Комитет (КТК) ООН, созданный в соответствии с резолюцией 1373 в 2001 г. и обеспечивающий ее исполнение⁵⁸.

В качестве крупной региональной организации, активно разрабатывающей меры по противодействию терроризму, можно выделить Европейский союз. После терактов в Мадриде 11 марта 2004 г. объединением европейских государств была принята Антитеррористическая стратегия⁵⁹, обязывающая бороться с террористическими угрозами при уважении прав и свобод человека. Основная цель заключалась в том, чтобы защитить Европу от террористической угрозы, позволяя ее гражданам жить в зоне свободы, безопасности и справедливости⁶⁰.

В рамках мер, предусмотренных стратегией, была введена должность Координатора ЕС по борьбе с терроризмом, которую начиная с 2007 г. неизменно занимает Жиль де Кершов. Координатор играет важную роль в согласовании национальных курсов по борьбе с терроризмом, а также контролирует выпол-

⁵⁷ Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, A/RES/60/288. URL: <https://www.un.org/victimsofterrorism/ru/node/233>. (17.03.2020).

⁵⁸ Резолюция 1373 (2001) Совета Безопасности ООН. URL: https://www.unodc.org/pdf/crime/terrorism/res_1373_russian.pdf. (17.03.2020).

⁵⁹ The European Union Counter-Terrorism Strategy 2005. URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2014469%202005%20REV%204>. (17.03.2020).

⁶⁰ Schmidt A. The Impact of Terrorism on Democracy in Northern Ireland / A. Schmidt // Perspectives on Terrorism. 2010. Vol. 4. No. 2. URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/96/html>. (17.03.2020).

нение Антитеррористической стратегии и координирует деятельность по противодействию терроризму на уровне ЕС.

Кроме того, в Европейском Союзе созданы следующие антитеррористические структуры:

- 1) единая Европейская полиция (Европол), а именно департамент по борьбе с серьезными преступлениями и управление по борьбе с терроризмом;
- 2) Европейский союз по судебному сотрудничеству (Евроюст);
- 3) Комитет экспертов по борьбе с терроризмом Совета Европы CODEXTER
- 4) специальная комиссия по борьбе с терроризмом Совета Европы⁶¹.

Помимо вышеназванных документов существует множество региональных конвенций и итоговых документов международных конференций, содействующие противодействию и профилактике терроризма. Среди ключевых организаций, занимающихся разработкой эффективной контртеррористической деятельности, можно выделить ОБСЕ, НАТО, «Большую семерку» (G7), ШОС, Совет Европы, СНГ, АСЕАН и другие.

Стоит отметить, что необходимо продолжать совершенствовать законодательство и средства международного противодействия терроризму. Многие цели могут быть достигнуты с помощью координации деятельности полиции, судебных органов и разведки для розыска подозреваемых в терроризме, их уголовного преследования и принятия процессуальных решений, способствующей обмену информацией в рамках международной контртеррористической деятельности⁶².

Практически во всех государствах созданы специализированные антитеррористические структуры, занимающиеся совершенствованием национальных законодательств в области борьбы с терроризмом. Однако формирования только нормативно-правовой базы недостаточно. По мнению О.В. Нардиной, общегосударственная антитеррористическая система мер должна включать следующие компоненты: меры политического и управленческого характера; экономи-

⁶¹ Будаева С.В. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом. С. 66.

⁶² Канунникова Н.Г. Зарубежный опыт противодействия международному экстремизму и терроризму. С. 168.

ческие и социальные; судебные и юридические; полицейские и тюремные; военные; культурно-образовательные; коммуникационные⁶³.

Важной составляющей в борьбе с терроризмом является информационно-пропагандистская деятельность. Необходимо широкое информационно-пропагандистское сопровождение всех мероприятий и разоблачение сепаратистских, террористических и экстремистских организаций, тоталитарных сект и иных религиозных структур, чья деятельность опасна для населения стран⁶⁴. Следует своевременно пресекать проявление экстремизма в информационной сфере, например, с помощью блокирования доступа к интернет-ресурсам, используемым для вербовки или пропаганды и т.д.⁶⁵.

В борьбе с разрушительными последствиями террористической коммуникации средства массовой информации должны играть терапевтическую роль для реальных и потенциальных слушателей и зрителей СМИ, интерпретируя события с помощью таких образов и смыслов, которые могут легко распознаваться и осознаваться гражданами. Такая трактовка позволит предотвратить деструктивную роль СМИ в информационной борьбе с терроризмом⁶⁶.

Не менее важным потенциалом обладает комплекс мер по контрпропаганде. Контрпропаганда является специфическим атрибутом идеологической и информационной борьбы и представляет собой систему мер политического, идейного, пропагандистского и организационного характера, направленных на обезвреживание и нейтрализацию информационных диверсий и психологических атак⁶⁷.

Иными словами, в основе информационной политики по освещению терроризма лежит неприятие насильственного способа решения проблем в современном обществе. Идея успешной борьбы с террористической деятельностью

⁶³ Нардина О.В. Общегосударственная антитеррористическая стратегия: культурно-мировоззренческие меры противодействия терроризму. С. 32.

⁶⁴ Горбунов Ю.С. О системе мер в области борьбы с терроризмом. С. 227.

⁶⁵ Канунникова Н.Г. Зарубежный опыт противодействия международному экстремизму и терроризму. С. 167.

⁶⁶ Гарев В.А. Информационная борьба с международным терроризмом: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Гарев Владимир Анатольевич. М., 2007. С. 18.

⁶⁷ Цыганов В. Медиа-терроризм: Терроризм и средства массовой информации. С. 92.

должна пронизывать эфирное вещание информационных, аналитических и даже отчасти художественных программ.

Основой борьбы с таким видом терроризма, как этнорелигиозный, является вовлечение общин. Вместо того чтобы демонизировать и изолировать общество, вовлечение и передача ответственности за обеспечение безопасности общине и ее лидерам изменяют ситуацию к лучшему. Например, сегодня большинство упреждающих атак и разведывательных мероприятий инициированы мусульманскими общинами, которые были вовлечены, а не изолированы.

Этнические и религиозные конфликты способствуют возникновению опасных идеологий, внутреннего перемещения, потоков беженцев и терроризма. Многие конфликты, порождающие гнев и ненависть, не могут быть разрешены в краткосрочной перспективе. Даже после прекращения боевых действий, например, в Боснии, стабилизационные силы вынуждены сохранять свое присутствие⁶⁸. Также необходима разработка инициатив, направленных на повышение устойчивости к насильственным экстремистским идеологиям и устранение коренных причин насильственной радикализации⁶⁹.

Проверенная стратегия борьбы с терроризмом и мятежом заключается в проведении переговоров. Существует ряд разумных требований религиозной, языковой и культурной автономии, которые могут быть удовлетворены. Посредством переговоров удовлетворение законных требований может предотвратить превращение политических групп в экстремистские и террористические⁷⁰.

Важно отметить, что центральным элементом при решении вопросов контртерроризма является поддержание общественного доверия к правительству⁷¹. Эффективная коммуникация, направленная на широкий круг аудитории для объяснения рисков и привлечения поддержки с помощью публичного ин-

⁶⁸ *Gunaratna R.* Understanding the Challenge of Ideological extremism. Pp. 124-125.

⁶⁹ Counterterrorism evaluation: Taking stock and looking ahead. P. 73. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2628.html. (16.03.2020).

⁷⁰ *Gunaratna R.* Understanding the Challenge of Ideological extremism. P. 125.

⁷¹ *Crelinsten R.* Perspectives on Counterterrorism: From Stovepipes to a Comprehensive Approach. URL: www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/321/html. (15.03.2020).

формирования о характере и масштабах террористической угрозы, является важной составляющей стратегии борьбы с терроризмом⁷².

За последние годы государства потратили огромные ресурсы на разработку и осуществление антитеррористических мер, начиная от защитных мер безопасности, принятия специального законодательства и проведения кампаний в средствах массовой информации и заканчивая СВРН-защитой (химической, биологической, радиологической и ядерной защитой). Однако об эффективности этих усилий известно очень мало.

Эффективность – это один из самых важных, если не самый важный аспект в политике контртерроризма, причем не только с академической, но и с политической точки зрения. На сегодняшний день мы имеем большое количество исследований, посвященных этому вопросу, однако, несмотря на растущее внимание к данной тематике, наши знания об эффективности контртеррористических мер остаются ограниченными⁷³.

Исследователи предложили довольно сложные и всеобъемлющие наборы показателей для определения эффективности контртерроризма. Например, в одном из подходов к оценке эффективности используется семь параметров в категориях «человеческая жизнь», «экономические ресурсы» и «политические ресурсы»⁷⁴. Изучаются компоненты террористической инфраструктуры и террористического потенциала⁷⁵, рассматривается влияние программ дерадикализации на уровень терроризма⁷⁶. Однако широкий консенсус мы находим только в ограниченном числе случаев. Большинство ученых сходятся во мнении, что меры, нарушающие права человека, не являются эффективными; такие меры

⁷² Challenges for Effective Counterterrorism Communication: Practitioner Insights and Policy Implications for Preventing Radicalization, Disrupting At-tack Planning, and Mitigating Terrorist Attacks / D. Parker [et al.] // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2019. Vol. 42 (3). Pp. 282-283.

⁷³ Van Um E. Dealing with uncertainty: the illusion of knowledge in the study of counterterrorism effectiveness / E. van Um, D. Psoiu // *Critical Studies on Terrorism*. 2015. Vol. 8. No. 2. P. 240.

⁷⁴ Morag N. Measuring Success in Coping with Terrorism: The Israeli Case. URL: www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/321/html. (18.03.2020).

⁷⁵ Malvesti M.L. Bombing bin Laden: Assessing the Effectiveness of Air Strikes as a CounterTerrorism Strategy / M.L. Malvesti // *The Fletcher Forum of World Affairs*. 2002. No. 26 (1); Perl R. Combating Terrorism: The Challenge of Measuring Effectiveness.

⁷⁶ Horgan J. Rehabilitating the Terrorists?: Challenges in Assessing the Effectiveness of De-radicalization Programs. Pp. 267-291. URL: <https://doi.org/10.1080/09546551003594748>. (16.03.2020).

включают агрессивную тактику, применение силы или пыток и т.п.⁷⁷. Проблема обеспечения безопасности неразрывно связана с вопросом демократической приемлемости. Эффективная борьба с терроризмом основана на уважении прав человека.

В большинстве исследований для оценки эффективности политики контртерроризма используются единичные показатели. Рассмотрим основные критерии эффективности борьбы с терроризмом.

При оценке эффективности контртеррористических стратегий часто обращаются к статистическим данным. Поскольку конечная цель всех направлений борьбы с терроризмом – положить конец террористическим нападениям, особое внимание уделяется таким показателям, как число террористических атак и число жертв⁷⁸.

Широко используемым показателем эффективности является количество террористических актов. Например, Гэри Лафри изучил последствия вмешательства британского государства во внутренние дела Северной Ирландии, проанализировав количество террористических нападений, имевших место после осуществления мер по отношению к этому региону⁷⁹. Аналогичным образом Гилель Фриш продемонстрировал зависимость интенсивности палестинского насилия (количества терактов) от направления политики Израиля⁸⁰.

Есть веские основания критически относиться к использованию количества террористических нападений в качестве показателя эффективности контртеррористических мер. Во-первых, неясно, что именно увеличение или уменьшение числа террористических актов говорит о состоянии террористической организации (радикализация движения, упадок и т.д.). Вторая проблема заключается в том, что данный показатель не учитывает масштаба последствий террористической кампании. Последствия крупномасштабного нападения, такого

⁷⁷ Van Um E. Dealing with uncertainty: the illusion of knowledge in the study of counterterrorism effectiveness. Pp. 231-232.

⁷⁸ Van Dongen T.W. Break it down: An alternative approach to measuring effectiveness in counterterrorism. P. 358.

⁷⁹ LaFree G. Efficacy of counterterrorism approaches: examining Northern Ireland. URL: http://www.start.umd.edu/start/publications/research_briefs/20061017_lafree.pdf. (18.03.2020).

⁸⁰ Frisch H. Motivation or capabilities? Israeli counterterrorism against Palestinian suicide bombings and violence / H. Frisch // Journal of Strategic Studies. 2006. No. 29 (5). Pp. 866-867.

как 9/11, несравнимы с последствиями простого поджога. Наконец, несколько небольших атак (например, убийство политического лидера) могут принести террористической организации гораздо больший успех, чем серия более крупных нападений⁸¹.

Очевидно, что использование количества террористических актов в качестве показателя эффективности сопряжено с серьезными трудностями. Некоторых из них можно избежать путем изучения количества жертв.

Одним из показателей эффективности контртерроризма является анализ числа жертв. Многие аргументы, которые могут быть выдвинуты против использования параметра количества террористических актов, также могут быть выдвинуты против использования показателя числа жертв. Кроме того, увеличение числа жертв можно рассматривать как признак слабости террористической организации, неспособной нанести удар по стратегическим объектам страны⁸². Как и число нападений, число жертв само по себе не является универсальным показателем.

Последним метрическим показателем успеха в борьбе с терроризмом, хотя и не очень часто используемым, является материальный ущерб. Этот показатель в основном подвержен тем же проблемам, что и два предыдущие.

Вместо того чтобы сосредоточиться на данных о прямых проявлениях терроризма, некоторые авторы уделяют большее внимание косвенным показателям, т.е. колебаниям показателей общего функционирования общества, на которые оказывают влияние террористические нападения. Например, утверждалось, что внутренняя и международная поддержка правительства, проводящего контртеррористическую политику, может служить показателем эффективности. Другой вариант заключается в анализе функционирования экономики⁸³. Тем не менее, косвенные показатели также подвергаются неоднозначной интерпретации и могут колебаться под воздействием многих факторов.

⁸¹ *Van Dongen T.W.* Break it down: An alternative approach to measuring effectiveness in counterterrorism. Pp. 359-360.

⁸² *Sheehan M.A.* Crush the cell: How to defeat terror without terrorizing ourselves. Pp. 28-29.

⁸³ *Van Dongen T.W.* Break it down: An alternative approach to measuring effectiveness in counterterrorism. P. 361.

Кроме того, применяется показатель количества арестов как индикатор успешных действий властей. Он наиболее известен благодаря его использованию правительством США, которое в 2006 г. заявило, что аресты членов террористической организации «Аль-Каида» свидетельствуют о том, что США достигли прогресса в борьбе с терроризмом⁸⁴. Арест любого преступника в какой-то степени всегда является успехом для государства. Однако показатель числа арестованных или даже убитых террористов не может в полной мере отразить эффективность контртерроризма.

Во-первых, на место арестованных или убитых террористов приходят новые рекруты, и чем популярнее движение, тем больше круг возможных преемников. Во-вторых, аресты, особенно в больших количествах, в некоторых случаях могут привлечь в террористическую организацию людей, которые ранее были только сочувствующими. Возмущение тем, как государство обращается с друзьями и родственниками «новобранцев» оказалось мощным мотивом для вступления в террористическую организацию, например, в случае ИРА⁸⁵. Третья трудность заключается в том, что аресты или ликвидации могут быть не последствием успешной контртеррористической деятельности, а, например, показателем эффективной работы правоохранительных органов. Изменения в количестве арестов сами по себе не дают никаких оснований для выводов об успехе или эффективности контртерроризма.

Следует выделить ряд трудностей в интерпретации значения показателей эффективности контртеррористической деятельности.

Во-первых, проблема рассмотренных выше показателей заключается в том, чтобы понять возможность их интерпретации как эффективных. Существует множество потенциальных факторов увеличения числа террористических нападений, а также множество причин, по которым число арестованных террористов может возрасти.

⁸⁴ Bush Administration: 9/11 five years later: Successes and challenges // The White House. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/waronterror/2006/>. (18.03.2020).

⁸⁵ Riedel B. The search for al-Qaeda: Its leadership, ideology, and future / B. Riedel. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008. P. 16.

Во-вторых, зачастую одновременно осуществляется довольно много антитеррористических мер. Сложность заключается в определении того, какая именно контртеррористическая мера или их совокупность привела к желаемому результату⁸⁶. Проблема интерпретации и проблема атрибуции тесно связаны. Трудно сказать, являются ли показатели эффективности репрезентативными⁸⁷.

Важно исследовать отдельные компоненты борьбы с терроризмом, каждый из которых имеет свои собственные показатели эффективности, как количественные, так и качественные. Вместо того чтобы полагаться на показатели, отражающие эффективность контртерроризма в целом, следует подумать о том, какие элементы могут составлять антитеррористическую политику. Для всех этих компонентов необходимо сформулировать цепочку причинно-следственных связей, приводящих к успеху.

Таким образом, формирование нормативно-правовой базы на сегодняшний день стало одним из главных направлений антитеррористической деятельности. Однако в последнее десятилетие все шире признается важность принятия более широких и целостных подходов к противодействию террористической деятельности и борьбе с ней. Реализация комплекса контртеррористических мер позволит сократить число террористических актов и минимизировать их последствия, а также вести профилактическую работу по данной проблеме.

Метод оценок может быть применен ко многим инструментам, которые являются частью стратегии борьбы с терроризмом, таким как переговоры, прямые действия и устранение коренных причин. Контртерроризм должен быть разбит на отдельные компоненты, каждый из которых имеет свои собственные количественные и качественные показатели эффективности, определяющие, какого успеха антитеррористические меры должны достичь и как этот успех следует оценить.

⁸⁶ Van Dongen T.W. Break it down: An alternative approach to measuring effectiveness in counterterrorism. P. 363.

⁸⁷ Van Um E. Dealing with uncertainty: the illusion of knowledge in the study of counterterrorism effectiveness. P. 237.

ГЛАВА 2. ОПЫТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ СЕВЕРОИРЛАНДСКОМУ ТЕРРОРИЗМУ

2.1. Терроризм в Северной Ирландии как тактика противостояния британскому правительству

Конфликт в Северной Ирландии, повлекший за собой гибель тысячи людей, продолжался более трехсот лет и до сих пор не преодолен окончательно; его истоки уходят корнями в прошлое. Давняя вражда населяющего страну протестантского и католического населения характеризовалась крайними формами политического насилия – вооруженными столкновениями и террористическими нападениями. Ирландская республиканская армия (ИРА) стала одной из самых известных террористической организацией, не имевшей аналогов в Западной Европе со времен Второй мировой войны. На ее счету убийства и бомбардировки, совершенные на территории Северной Ирландии, в Лондоне и в других городах Соединенного Королевства.

Этноконфессиональный конфликт в Северной Ирландии является следствием жесткой политики британского правительства в отношении коренного населения Ольстера. Необходимо вернуться к истокам конфликта, поскольку именно тогда он принял форму, которую в целом сохранил до настоящего времени. Враждебность к англичанам восходит уже к XII в., когда Генрих II завоевал Ирландию.

Целью английской короны в XVI–XVII вв. было восстановление Ирландии в политическом, экономическом и религиозном отношении. Когда Генрих VIII превратил Англию в протестантскую страну в XVI в., большинство ирландцев оставались католиками. В дальнейшем английские монархи переселяли

протестантских колонистов в Ирландию, чтобы обратить страну в протестантизм⁸⁸. Колонизация использовалась в качестве политического инструмента.

Поставленные цели достигались ценой постоянного этнорелигиозного разделения и подверженного кризису социального и политического порядка. Британия контролировала Ирландию через лояльное протестантское меньшинство, получающее привилегии от короны; взамен оно держало в повиновении нелояльное католическое большинство. С уничтожением военного потенциала католиков они больше не представляли угрозы британскому правительству большую часть XVIII в.; в Ольстере местные конфликты чаще носили аграрный характер, чем религиозный⁸⁹. Истоки терроризма восходят к концу XVIII в., когда католики создали первую тайную организацию «Объединенные Ирландцы», ставшую во главе вооруженного восстания в 1798 г.

К началу XIX в. Великобритания получила контроль над всем островом. Ирландия присоединилась к Уэльсу, Англии и Шотландии, чтобы стать частью Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии. В течение XIX – начала XX вв. все больше ирландских группировок начало бороться за свою независимость. Но протестанты, живущие в северной части острова, хотели остаться с Великобританией. Противостояние между национализмом и юнионизмом в начале XX в. было не просто столкновением конституционных предпочтений: это была борьба за власть между двумя культурно и религиозно разными общинами с различными историческими идентичностями, преследующими радикально противоположные политические проекты.

Различия религиозных, национальных и политических идентичностей являются сердцем конфликта в Северной Ирландии. Религиозная идентичность выступает в качестве источника противостояния между протестантами и католиками. Различная национальная принадлежность восходит к объединению «территориальных союзов», в которых протестанты считают себя британцами, а католики – ирландцами. Политическая идентичность проявляется в принад-

⁸⁸ *Montano J.P.* The Roots of English Colonialism in Ireland / J.P. Montano. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

⁸⁹ *Ruane J.* Conflict and reconciliation in Northern Ireland. Pp. 167-168.

лежности к юнионистам, которые в основном являются протестантами и желают остаться частью Соединенного Королевства, или в единении с национальным течением, преимущественно католиками и сторонниками единой Ирландии⁹⁰. Демократическая юнионистская партия (DUP) и партия республиканцев Шинн Фейн представляют собой две наиболее популярные политические силы, созданные в XX в. среди юнионистов и националистов соответственно⁹¹.

Политическая и военная борьба ирландских католиков привела к обещанию парламента Великобритании о предоставлении острову более широкой автономии, которое не было сдержано из-за начала Первой мировой войны. Кульминацией вызова жестокому британскому правлению в Ирландии стало Пасхальное восстание 1916 г. в Дублине. Восстание было безжалостно подавлено, но именно это событие повлекло за собой возвышение Шинн Фейн, войну против Британии и, наконец, независимость Ирландии⁹².

Война за независимость Ирландии 1919–1921 гг. имела огромное значение для развития терроризма. Поскольку ирландские революционеры были слабее профессиональной армии Британии, они стали родоначальниками новой военной тактики: сочетания партизанских и террористических методов, а также «техники селективного убийства». Целью их нападений было стремление сделать невозможным существование британских структур на территории Ирландии. Кампанию проводило вооруженное формирование Ирландская республиканская армия (ИРА), образованное в составе партии республиканцев в ходе национально-освободительной революции.

После трехлетнего противостояния ирландцам англичане согласились на компромисс, предполагающий раздел Ирландии и создание в южной части острова «Ирландского свободного государства». Существование Северной Ирландии было подтверждено англо-ирландским договором 1921 г., положившим конец Ирландской войне за независимость. В нее вошли шесть северо-восточных

⁹⁰ *Madias J.* Northern Ireland Conflict: Remaining Issues with the Peace Process / Ed. by G.L. Branham, J. Madias. SPEA Undergraduate Honors Thesis, 2015. P. 5.

⁹¹ *Archick K.* Northern Ireland: The Peace Process. P. 1.

⁹² *McGarry F.* The Rissing. Ireland: Easter 1916 / F. McGarry. N.Y.: Oxford University Press, 2016. P. 121.

графств, в которых протестанты составляют большинство. Эти графства остались частью Великобритании, а Ирландия получила статус доминиона Эйре.

Было принято решение о создании двух самостоятельных государств (нынешних Северной Ирландии и Ирландской Республики) со своими правительствами, в чьи полномочия входило решение внутренних вопросов. Планировалось реализовать идею Совета Ирландии для решения совместных проблем обоих государств, однако орган не был создан. Оба государства должны были иметь своих представителей в Лондоне, который управлял бы внешней политикой. Великобритания сохраняла за собой право держать на территории Ирландии военные базы, а также получать «выкупные» платежи за бывшие владения английских лендлордов⁹³.

Северная Ирландия функционировала как самоуправляющийся регион Соединенного Королевства, имея собственное правительство, парламент в Белфасте и представительство в Вестминстере. Тем не менее, это не только не способствовало успешному урегулированию этноконфессионального конфликта, но и приводило к его эскалации, поскольку в течение последующих десятилетий католическое меньшинство подвергалось дискриминации со стороны протестантов⁹⁴.

Поскольку юнионисты и протестанты составляли большинство населения Северной Ирландии, их убеждения доминировали в образе жизни региона. На протяжении почти полувека Юнионистская партия формировала правительство, расположенное в Стормонте; в государственном управлении Ольстера также преобладали протестанты. Они контролировали правоохранительную деятельность и государственные дела через избирательную урну, препятствовали участию католиков в политической жизни и ограничивали доступ к ведущим отраслям экономики⁹⁵.

⁹³ Лунтов И.Ф. Западноевропейские демократии в борьбе против терроризма. С. 121.

⁹⁴ Там же. С. 122-123.

⁹⁵ Ruane J. Conflict and reconciliation in Northern Ireland. P. 169.

Католическое население подвергалось систематической дискриминации: не только в сфере политики, но и при предоставлении жилья, найме на работу⁹⁶. Власть протестантов-юнионистов над католиками-националистами еще больше способствовала разделению идентичностей двух общин⁹⁷.

После раздела Ирландии в 1921 г. католическая часть населения всячески стремилась к созданию единой ирландской республики, и националисты-республиканцы использовали экстремистские и террористические методы для достижения своих интересов. ИРА продолжала существовать как запрещенная, подпольная революционная организация. В 1939–1940 гг. она провела ряд взрывов на территории Британии в знак протеста против разделения острова Ирландия. Эта кампания была осуждена сразу тремя правительствами: британским, североирландским и ирландским.

В 1949 г. доминион Эйре покинул Британское Содружество наций и провозгласил себя суверенной Республикой Ирландия, но этноконфессиональный конфликт урегулировать не удалось. В 1956 г. ИРА начала активную террористическую кампанию. За пять лет боевики ИРА организовали более 600 налетов на стратегические объекты Ольстера⁹⁸.

Однако начиная с 1962 г. военизированная деятельность ИРА отошла на второй план. Штаб ИРА возглавили марксисты: они верили, что протестантский и католический рабочие классы должны объединиться в признании британского государства в качестве орудия их угнетения. Объединение Ирландии планировалось осуществить не с помощью насилия, а путем проведения реформ⁹⁹. Но поскольку ущемление католического ирландского населения на Севере продолжалось, активисты ИРА и новые лидеры, настроенные более воинственно, вернулись к насильственным методам.

С конца 1960-х гг. католическое меньшинство Северной Ирландии начало активно бороться за свои гражданские права, и жестокая реакция юнионистско-

⁹⁶ Archick K. Northern Ireland: The Peace Process. P. 1.

⁹⁷ Madias J. Northern Ireland Conflict: Remaining Issues with the Peace Process. Pp. 5-6.

⁹⁸ Potter J. Testimony to Courage: The History of the Ulster Defence Regiment, 1969–1992. P. 12.

⁹⁹ Walker D.M. Historical dictionary of Marxism / D.M. Walker, D. Gray. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2014. P. 210.

го правительства привела к уличным столкновениям 1969 г. Активизировались военизированные группировки как со стороны католиков, так и протестантов, желающих дать отпор¹⁰⁰. Стоит отметить, что ИРА в этот период практически прекратила свою деятельность, поскольку ранее отказалась от вооруженных нападений¹⁰¹.

Первая вспышка насилия произошла 5 октября 1968 г. Небольшая демонстрация в Дерри состояла в основном из членов левых организаций, требующих прекращения дискриминации. Марш был жестоко подавлен Королевской полицией Ольстера (RUC). Образы полицейских, избивающих мирных демонстрантов, вызвали гнев среди рабочих, и Движение за гражданские права было немедленно преобразовано в массовое движение католического рабочего класса.

С приближением лета 1969 г. напряженность возросла, и в ряде городов началась вооруженная конфронтация. Традиционный марш оранжистов в память о победе протестантов над католическими войсками и последовавшие за ним погромы послужили триггером для роста общественного напряжения. Два дня массовых беспорядков в августе 1969 г. в католическом квартале Богсайд, в Дерри, которые стали известны как «Битва за Богсайд», стали результатом усиливающегося противостояния между националистами и Королевской полицией Ольстера. Для ирландцев «Схватка за Богсайд» стала символом борьбы за равноправие. Затем беспорядки, в ходе которых люди выражали поддержку националистам, вспыхнули в Белфасте и в других городах, куда была направлена британская армия для восстановления спокойствия. После этого конфронтация только обострилась, а последовавшие за этим десятилетия политического насилия стали называться «The Troubles» – «Смута»¹⁰².

События августа 1969 г. стали переломным моментом в истории Северной Ирландии. Для предотвращения дальнейших столкновений в Ольстер были введены британские войска. Первоначально католическое население поддерживало присутствие войск в регионе, но позже разочаровалось в нем: солдаты

¹⁰⁰ Archick K. Northern Ireland: The Peace Process. P. 3.

¹⁰¹ Луннов И.Ф. Западноевропейские демократии в борьбе против терроризма. С. 124.

¹⁰² Hastings M. Ulster 1969: The fight for civil rights in Northern Ireland.

поддерживали протестантов. В этих условиях ИРА раскололась на две части – «Официальную» и «Временную». Хотя обе фракции были привержены единой социалистической ирландской республике, первая предполагала прибегать к насильственным методам только в целях самозащиты, а в сфере политики для достижения поставленных целей отдавала предпочтение использованию мирных, пропагандистских средств. Временная ИРА была более радикальной, чем Официальная, и, объединившись с временным исполнительным комитетом партии Шинн Фейн, утверждала, что политическое насилие, особенно терроризм, является неотъемлемой составляющей борьбы за освобождение Ирландии от англичан¹⁰³.

С 1970-х гг. ИРА проводила эффективную кампанию насилия, главным образом против британских сил безопасности. Однако значительная террористическая активность была проявлена и со стороны протестантов Ольстера, вооруженные группировки которых также стали мишенью ИРА. В противовес ирландским военизированным организациям были сформированы такие группы, как Добровольческие Силы Ольстера (UVF), Ассоциация обороны Ольстера (UDA), Борцы за свободу Ольстера (UFF) и другие полувоенные формирования¹⁰⁴.

В 1972 г. в Северной Ирландии был введен режим прямого правления, что привело к самым жестоким беспорядкам и восстаниям. 30 января 1972 г. в городе Дерри проходила мирная демонстрация местных жителей, которые пришли на марш Ассоциации в защиту гражданских прав Северной Ирландии. Британские солдаты открыли огонь: было убито 13 безоружных ирландских граждан и серьезно ранено 15 демонстрантов. Это событие, известное как «Кровавое воскресенье», является ярким примером злоупотребления государ-

¹⁰³ *Cowell-Meyers K., Arthur P.* Irish Republican Army UK. URL: <https://www.britannica.com/topic/Irish-Republican-Army>. (05.04.2020).

¹⁰⁴ *Haberfeld M.R.* Terrorism Within Comparative International Context: The Counter-Terrorism Response and Preparedness / M.R. Habelfeld, J.F. King, C.A. Lieberman. N.Y.: Springer, 2009. Pp. 41-43.

ственной властью и использования служебного положения британской армией в ходе длительной кампании против повстанцев в Северной Ирландии¹⁰⁵.

Пик насилия пришелся на 1972 г., когда погибли 468 человек. Правительство Северной Ирландии отреагировало на растущие волнения, вводя все более жесткие меры безопасности, включая практику интернирования (содержание под стражей без суда и следствия). Вследствие этого в начале 1970-х гг. поддержка деятельности ИРА ирландцами значительно возросла.

Чтобы ослабить напряженность в стране, лидеры Великобритании и Ирландии подписали Саннингдейлское соглашение, названное в честь английского города, в котором оно было заключено в 1973 г. В основу документа было положено согласие о создании Совета Ирландии и новой Ассамблеи Северной Ирландии с пропорциональным представительством для всех сторон, но разочарованные уменьшением своей политической власти протестантские экстремисты сорвали ратификацию соглашения. Попытка урегулировать конфликт обернулась неудачей¹⁰⁶.

Рубеж десятилетий стал пиком могущества ИРА. Активисты ИРА осуществляли нападения на территории противника – в Англии, многие атаки совершались на Лондон. При этом ИРА стремилась избежать человеческих жертв в своих акциях и оставляла телефонные предупреждения о планируемых атаках¹⁰⁷. Члены ИРА отказывались именоваться террористами, так как считали себя борцами за свободу и справедливость.

За время существования Ирландской республиканской армии произошел ряд расколов в республиканском движении, и были сформированы следующие основные группировки: «Официальная ИРА», «Временная ИРА» (ВИРА), «Преимственная ИРА», «Подлинная ИРА». Причинами расколов служили вопросы допустимости применения насильственных методов, заключения мира и

¹⁰⁵ Dawson G. Trauma, Place and the Politics of Memory: Bloody Sunday, Derry, 1972–2004 / G. Dawson // History Workshop Journal. 2005. № 59. Pp. 151-153.

¹⁰⁶ O'Donnell C. The Sunningdale Communique, 1973, and Bipartisanship in the Republic of Ireland / C. O'Donnell // IBIS Working Paper. 2007. No. 81. Pp. 1-2.

¹⁰⁷ Луннов И.Ф. Западноевропейские демократии в борьбе против терроризма. С. 126.

участия или неучастия в официальных органах власти Северной Ирландии¹⁰⁸. Но едины они были в своей борьбе за национальное освобождение Ирландии.

Помимо крупных террористических нападений на объекты национальной безопасности ИРА широко применяла диверсии, ракетно-минометные обстрелы, взрывы в общественных местах. Самыми громкими терактами ИРА стали убийство в августе 1979 г. лорда Маунтбеттена (родственника королевы Елизаветы II), взрыв 12 октября 1984 г. в «Гранд-отеле» в Брайтоне с целью покушения на Маргарет Тэтчер, попытки покушения на премьер-министра Великобритании Джона Мейджора в 1991 г. и ряд других¹⁰⁹.

В ответ на растущую активность боевиков ИРА развивалось антитеррористическое законодательство Великобритании. Первоначально были приняты конкретные законодательные акты, касающиеся только Северной Ирландии, такие как «Закон о чрезвычайных полномочиях в Северной Ирландии» (1973 г.)¹¹⁰, а затем и другие статуты, охватывающие всю Великобританию.

По мере накопления опыта противодействия терроризму британские антитеррористические структуры, разведывательные службы и законодательство непрерывно совершенствовались, но убийства и бомбардировки продолжались. К началу 1996 г. от рук ИРА и в ходе операций против группировки погибло около 3 тысяч человек¹¹¹.

Североирландский кризис углублялся, и не было никаких признаков примирения. Все более становилась очевидным и неизбежным необходимость поиска эффективных решений этноконфессионального конфликта в сфере политики. Кроме того, «произошли изменения в сознании североирландского населения, уставшего от десятилетий кровопролития»¹¹². Возникла благоприятная

¹⁰⁸ *Dingley J.* The Bombing of Omagh, 15 August 1998: The Bombers, Their Tactics, Strategy, and Purpose Behind the Incident / J. Dingley // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2001. Vol. 24. Pp. 451-463.

¹⁰⁹ *Николаев И.* Опыт Великобритании – в пример / И. Николаев // *Независимая газета*. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2002-11-29/7_great_britain.html?id_user=Y. (05.04.2020).

¹¹⁰ Northern Ireland Constitution Act 1973 // *Legislation.gov.uk*. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1973/36/contents>. (05.04.2020).

¹¹¹ *Кревельд М. Ван.* Расцвет и упадок государства / М. Ван Кревельд; Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. М.; Челябинск: Социум, 2020. С. 488.

¹¹² *Полякова Е.Ю.* Ирландия в XX веке. С. 151.

ситуация для развития переговорного процесса. Однако положить конец раскручиванию спирали насилия оказалось крайне сложно.

Таким образом, североирландское население разделилось на две части: юнионисты, или лоялисты, были в основном протестантами, а националисты, которых также называли республиканцами, – преимущественно католиками. Протестанты составляли большинство, и католики всячески притеснялись; правительство формировалось главным образом из юнионистов.

ИРА рассматривала конфликт как партизанскую войну за национальную независимость и активно противостояла британскому правительству; с 1970-х гг. регулярно проводились террористические атаки в Северной Ирландии и Великобритании с целью достижения единой Ирландии. Военные возможности ИРА были ничтожны по сравнению с мощью британского государства, группировке также приходилось бороться с лоялистскими полувоенными организациями. Но кампании ИРА было достаточно, чтобы нарушить нормальное существование сообщества, нанести ущерб экономике, спровоцировать моральное возмущение и запятнать имидж Великобритании на международном уровне¹¹³.

Деятельность ИРА побудила британское правительство принять активное участие в процессе мирного урегулирования североирландского конфликта. Нельзя не отметить, что противоборствующие стороны и ранее предпринимали попытки выйти из многолетнего противостояния, но они не увенчались успехом, поскольку требования активистов группировки ИРА для Лондона были недопустимы, а к проблемам ирландского народа англичане оставались равнодушны или вовсе их не понимали. Процесс, ведущий к новым конституционным договоренностям по статусу Северной Ирландии, характеризовался постепенной капитуляцией перед терроризмом ИРА, врагом демократии.

¹¹³ *Ruane J. Conflict and reconciliation in Northern Ireland. P. 170.*

2.2. Методы урегулирования кризиса и борьбы с североирландским терроризмом

Конец 1960-х – конец 1990-х гг. стал периодом кровопролитной вражды между католиками и протестантами, в результате которого погибло около 3500 человек. Только в 1998 г. было подписано Соглашение Страстной пятницы (Good Friday Agreement), ознаменовавшее завершение Кровавой Смуты, однако политико-правовой метод разрешения кризиса был избран еще ранее, и накопленный североирландским обществом опыт ведения переговоров позволил заключить перемирие между враждующими сторонами. Стала очевидной ориентация этноконфессиональных групп на использование легальных политических методов при решении конфликтов. Было решено урегулировать «ирландский вопрос» парламентским путем.

Важным политическим развитием 1980-х гг. стала переориентация Британии с ее традиционного союза с юнионистами на более нейтральную позицию¹¹⁴. Этот процесс начался с открытия диалога с ирландским правительством в 1980 г. Первой крупной уступкой требованиям террористов ИРА стало Англо-ирландское соглашение 1985 г., которое было предложено и одобрено правительствами Великобритании и Ирландии без консультации с населением Северной Ирландии. Посредством этого соглашения правительству Ирландской Республики были предоставлены ограниченное право участия в разработке политики и официальная консультативная роль в делах Северной Ирландии¹¹⁵.

Хотя цель этого соглашения состояла в обеспечении безопасности посредством расширения сотрудничества с Республикой, оно произвело противоположный эффект: чтобы добиться дальнейших и решительных уступок со стороны британских властей, уровень насилия со стороны ИРА только вырос.

¹¹⁴ *Ruane J.* Conflict and reconciliation in Northern Ireland. P. 171.

¹¹⁵ *McGarry J., O'Leary B.* Consociational Theory, Northern Ireland's Conflict, and its Agreement. Part 1: What Consociationalists Can Learn from Northern Ireland. P. 49.

Кроме того, юнионисты развернули кампанию против договора, проводимую в форме массовых митингов, забастовок и бойкотов¹¹⁶.

Но это соглашение имело огромное практическое значение в открытии доступа к участию ирландских националистов в политическом процессе и в политике, направленной на сокращение масштабов конфессионального культурного и экономического неравенства. Среди таких политических мер можно выделить отмену Закона о флагах и гербах в 1987 г., а также принятие Закона о справедливом трудоустройстве в 1989 г., исключающего дискриминацию в сфере занятости. Разумеется, развитие законодательства по вопросам равенства не является единственным положительным эффектом, но оно способствует сокращению разрыва между протестантами и католиками по целому ряду социально-экономических факторов, в частности, в сферах занятости и образования¹¹⁷.

15 декабря 1993 г. была опубликована Декларация Даунинг-стрит. Это один из ключевых документов, принятых с целью достижения мира, стабильности и примирения в результате соглашения между всеми людьми, населяющими остров; с целью положить конец насилию. За переговорами последовало заявление ИРА о прекращении огня в конце августа 1994 г., который, однако, возобновлялся¹¹⁸. Но мирный процесс только набирал обороты, и активным стало взаимодействие с Шинн Фейн – политическим крылом ИРА, устремленным урегулировать конфликт политическими методами.

13 октября 1997 г. Тони Блэр стал первым премьер-министром Соединенного Королевства, который встретился с представителем Шинн Фейн, Джерри Адамсом, после раздела Ирландии в 1921 г. Кроме того, президент США Билл Клинтон не включил ИРА в список террористических организаций¹¹⁹. Тем самым поощрялся конструктивный диалог ирландских республиканцев с Лондоном.

¹¹⁶ Aughey A. The Anglo-Irish Agreement: Rethinking Its Legacy.

¹¹⁷ Ruane J. Conflict and reconciliation in Northern Ireland. P. 171.

¹¹⁸ Schmidt A. The Impact of Terrorism on Democracy in Northern Ireland. URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/96/html>. (07.04.2020).

¹¹⁹ Political Handbook of the World 1998 / Ed. by A.S. Banks. Binghamton, N.Y.: CSA Publications, 1998. P. 1233.

Важнейшим следствием переговорного процесса стало подписание в 1998 г. трёхстороннего Белфастского соглашения («Соглашения Страстной пятницы» 10 апреля 1998 г.) о политическом урегулировании конфликта в Северной Ирландии. Соглашение и последовавшее за ним разоружение ИРА стали признанием невозможности решения Ольстерского кризиса и проблем североирландского населения насильственными и террористическими методами.

Соглашение Страстной пятницы стало историческим компромиссом: поддержка ИРА и лоялистских террористических группировок мирного соглашения была обеспечена путем предоставления их заключенным досрочного освобождения из тюрьмы. Был установлен двухгодичный срок изъятия вооружений, а также вывода британских войск.

Согласно Белфастскому соглашению 1998 г. статус Северной Ирландии должен определяться только на основании волеизъявления большинства жителей Северной Ирландии и Ирландской республики. Граждане могут быть признаны либо ирландцами, либо британцами, и должны обладать равными возможностями, правами и свободами¹²⁰.

В основу Соглашения были положены меры, касающиеся политического и конституционального аспектов и предусматривающие создание автономных органов власти. Были сформированы институты, придающие административную и правовую силу положениям Соглашения: Ассамблея Северной Ирландии на основе пропорционального представительства, Министерский совет «Север – Юг», состоящий из числа министров Ассамблеи и членов ирландского правительства, и «Совет островов» (Британско-Ирландский совет), избираемый из числа членов Североирландской ассамблеи, представителей парламентов Британии, Ирландии и Шотландии, Уэльской ассамблеи и острова Мэн¹²¹. Министерства равномерно распределялись между главными политическими партиями. Создавалась Британско-Ирландская Межправительственная Конференция для проведения консультаций между Великобританией и Ирландской респуб-

¹²⁰ The Belfast Agreement text // CAIN Web Service. URL: <https://cain.ulster.ac.uk/events/peace/docs/agreement.htm>. (07.04.2020).

¹²¹ Луннов И.Ф. Западноевропейские демократии в борьбе против терроризма. С. 134.

ликой и Комиссия по правам человека в Северной Ирландии. Также Соглашение предусматривало реформу ольстерской полиции¹²².

Реформирование полицейской службы стало одним из наиболее успешных элементов мирного процесса. Полицейские силы Северной Ирландии были преобразованы из Королевской полиции Ольстера в Полицейскую службу Северной Ирландии. Сегодня Полицейская служба региона состоит из офицеров католического и протестантского вероисповедования и представляет интересы всего сообщества¹²³.

Повестка дня переговоров, которые привели к заключению Соглашения Страстной пятницы, касалась экономических, социальных и культурных вопросов, а также других аспектов сотрудничества Великобритании, Ирландской республики и Северной Ирландии. В результате переговоров политическими партиями было достигнуто соглашение проводить государственную политику, поддерживающую примирение и отражающую самобытность всего народа Северной Ирландии¹²⁴.

В ходе совместного референдума, проведенного в Республике Ирландии и Северной Ирландии 22 мая 1998 г., соглашение было одобрено 94% избирателей в Республике Ирландии и 71% – в Северной Ирландии. Несмотря на очевидное несоответствие между католической и протестантской поддержкой в Северной Ирландии (проголосовали «за» соглашение 96% католиков и только 55% протестантов), сторонники мирного урегулирования конфликта одержали победу¹²⁵.

В рамках Соглашения Страстной пятницы 25 июня 1998 г. были проведены выборы в Ассамблею Северной Ирландии, на которых было избрано 108 депутатов. Шесть политических партий, выражающих поддержку мирному урегулированию североирландского конфликта, получили 74% голосов избирателей (80 мест в Национальной ассамблее). Две крупнейшие юнионистские и на-

¹²² *Ahern B.* The Fate and Legacy of the Good Friday Agreement. Pp. 28-31.

¹²³ *Madias J.* Northern Ireland Conflict: Remaining Issues with the Peace Process. P. 25.

¹²⁴ *Ibid.* P. 7.

¹²⁵ Good Friday Agreement // Encyclopædia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Good-Friday-Agreement>. (09.04.2020).

ционалистические партии – Ольстерская юнионистская партия (UUP) и Социал-демократическая и Лейбористская партия (SDLP) – получили соответственно 28 и 24 места в парламенте. Демократическая юнионистская партия (DUP) выиграла 20 мандатов, а Шинн Фейн заняла 18 мест в Ассамблее. На остальные места претендовал ряд более мелких партий¹²⁶.

Таким образом, Белфастское соглашение стало основным документом североирландского мирного процесса, однако его осуществление оказалось непростой задачей. В течение многих лет власть Ассамблеи Северной Ирландии была нестабильна и приостанавливалась в результате политических кризисов. Спорадическое насилие со стороны республиканских и лоялистских военизированных группировок, а также столкновения между протестантами и католиками сохраняли недоверие между юнионистскими и националистическими общинами.

Главной проблемой оставалось разоружение католических и протестантских военизированных формирований и поддержание режима прекращения огня, ставшее основным поводом для разногласий между юнионистами и Шинн Фейн, которые были вынуждены признать свою неспособность контролировать деятельность ИРА.

В 2000 г. ИРА возобновила борьбу: был обстрелян аэропорт Хитроу и открыт огонь по штаб-квартире МИ-6 в Лондоне¹²⁷. В ходе нападений никто не пострадал, но вопрос мирного сосуществования двух общин так и остался нерешенным. На фоне этих событий правительство Северной Ирландии в очередной раз временно перестало функционировать.

Несмотря на решение приостановить полномочия Североирландской ассамблеи, в ноябре 2003 г. состоялись выборы в парламент. Эти выборы привели к значительному изменению баланса сил в политике Северной Ирландии в пользу предполагаемых сторонников «жесткой линии» с обеих сторон конфликта: победу одержали Демократическая юнионистская партия и Шинн

¹²⁶ Northern Ireland Assembly Elections 1998 // Northern Ireland Elections. URL: <https://www.ark.ac.uk/elections/fa98.htm>. (09.04.2020).

¹²⁷ Global Terrorism Database // 2009–2018 University of Maryland. URL: <http://apps.start.umd.edu/gtd/>. (09.04.2020).

Фейн. По словам Reuters, воплотился «ночной кошмар Лондона»¹²⁸. Лидер юнионистов заявил, что партия отказывается взаимодействовать с Шинн Фейн и не войдет в правительство, пока не будет подтвержден факт полного разоружения ИРА. По причине сохраняющихся противоречий Национальная ассамблея так и не возобновила свою работу.

Переговорный процесс зашел в тупик и был осложнен продолжающимися нападениями ИРА. 6 апреля 2005 г. лидер Шинн Фейн Джерри Адамс призвал военизированную группировку отказаться от насилия, что поддержали Лондон и Дублин. Дальнейший прогресс в мирном процессе зависел от решительного прекращения всей деятельности ИРА¹²⁹.

На парламентских выборах в Великобритании в мае 2005 г. радикальные партии католиков и протестантов подтвердили свои лидирующие позиции. Это продемонстрировало явную тенденцию доминирования Шинн Фейн и Демократической юнионистской партии и их значимую роль в политической жизни Северной Ирландии.

28 июля 2005 г. Ирландская республиканская армия объявила о прекращении своей вооруженной кампании. Она поручил всем членам добиваться поставленных целей «исключительно мирными средствами» и приказала «сложить оружие». Премьер-министр Великобритании Тони Блэр назвал заявление ирландской военизированной группировки «беспрецедентным по своему значению шагом в недавней истории Северной Ирландии». «Возможно, настал день, когда после нескольких обманчивых рассветов и разбитых надежд на Ирландском острове политика наконец придет на смену террору», – отметил политический деятель¹³⁰.

В значительной мере отказ ИРА от вооруженной борьбы и насилия стал следствием роста исламского экстремизма. По мнению Джона Халсмана, аналитика из исследовательского института «Heritage Foundation», решение ИРА

¹²⁸ Цит. по: *Луппов И.Ф.* Западноевропейские демократии в борьбе против терроризма. С. 136.

¹²⁹ *Archick K.* Northern Ireland: The Peace Process. P. 5.

¹³⁰ *Лафранчи Г.* ИРА, прощай оружие! / Г. Лафранчи, М. Райс-Охли // InoPressa.ru. URL: <https://www.inopressa.ru/article/29jul2005/csmonitor/ira.html>. (10.04.2020).

сложить оружие «отмечено знаком 9/11, потому что тот страшный день навсегда изменил отношение американцев, британцев, ирландцев, многих народов к борцам за освобождение»¹³¹.

Однако реальный прогресс в переговорном процессе все равно отсутствовал, что привело к заключению нового договора – Сент-Эндрюсского соглашения 13 октября 2006 г., призванного помочь выйти из политического тупика. Оно обеспечивало выполнение Белфастского соглашения, а также внесло практические изменения в работу институтов и проложило путь к передаче полномочий от Вестминстера Ассамблее и исполнительной власти Северной Ирландии¹³².

Самой большой проблемой оставалось отсутствие доверия между партией юнионистов и Шинн Фейн, в частности, по поводу новой полицейской службы Северной Ирландии. В январе 2007 г. члены Шинн Фейн на голосовании выразили поддержку реформированной полиции Северной Ирландии и системе уголовного правосудия в контексте восстановления политических институтов¹³³. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр и его ирландский коллега Берти Ахерн особо отметили признание Полицейской службы Северной Ирландии в качестве ключевого условия возобновления работы автономной североирландской администрации¹³⁴.

26 марта 2007 г. произошло историческое событие: лидеры Демократической юнионистской партии и Шинн Фейн, Иан Пейсли и Джерри Адамс, впервые вместе сели за стол переговоров и пришли к соглашению о разделении власти в Ассамблее Северной Ирландии. Образ Пейсли и Адамса, сидящих за одним столом, и обещания обоих сотрудничать ради лучшего будущего для всего североирландского народа были беспрецедентными.

¹³¹ *Лафранчи Г.* ИРА, прощай оружие! URL: <https://www.inopressa.ru/article/29jul2005/csmonitor/ira.html>. (10.04.2020).

¹³² *Schmidt A.* The Impact of Terrorism on Democracy in Northern Ireland. URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/96/html>. (10.04.2020).

¹³³ *Archick K.* Northern Ireland: The Peace Process. P. 6.

¹³⁴ Шинн Фейн признала полицию Северной Ирландии // Русская служба Би-би-си – Информационные услуги. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/uk/newsid_6306000/6306993.stm. (11.04.2020).

8 мая 2007 г. Североирландская ассамблея приступила к работе. В то же время напряженность внутри правительства сохранялась и отражала националистические и юнионистские разногласия. Основное противоречие заключалось в том, что Демократическая юнионистская партия и Шинн Фейн по-прежнему расходились во мнениях по поводу передачи полномочий по охране правопорядка и отправлению правосудия Ассамблее и исполнительной власти Северной Ирландии. Деятельность Ассамблеи Северной Ирландии в контексте этих разногласий неоднократно приостанавливалась¹³⁵.

Соглашения Хиллсборо от 5 февраля 2010 г. завершило процесс передачи Северной Ирландии контроля за деятельностью полицейских сил и судебных органов, вводилась новая должность – Министр юстиции. 12 апреля, в день передачи полномочий, новым министром юстиции Северной Ирландии был избран Дэвид Форд, лидер Альянса партии Северной Ирландии¹³⁶. Лондон, Дублин и Вашингтон приветствовали Соглашение Хиллсборо как важный шаг к логическому завершению полного осуществления Соглашения Страстной пятницы, процесса деволюции и обеспечения прочного мира в Северной Ирландии.

Белфастское соглашение стало частью более широкого мирного процесса и способствовало снижению уровня насилия, однако сохраняются глубинные проблемы, которые так и не были решены. Северная Ирландия остается в значительной степени разделенным обществом, где параллельно сосуществуют протестантские и католические общины. Например, разделение католических и протестантских кварталов так называемыми «Линиями мира», раздельное обучение и ежегодные марши и парады подчеркивают сохраняющийся конфликт идентичностей в Северной Ирландии¹³⁷.

Однако обе стороны намерены добиться прогресса в построении общего будущего. В частности, об этом заявили первый министр Северной Ирландии Питер Робинсон и заместитель первого министра Мартин МакГиннесс на

¹³⁵ Archick K. Northern Ireland: The Peace Process. P. 7.

¹³⁶ Schmidt A. The Impact of Terrorism on Democracy in Northern Ireland. URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/96/html>. (11.04.2020).

¹³⁷ Madias J. Northern Ireland Conflict: Remaining Issues with the Peace Process. Pp. 6-7.

встрече в 2013 г. Среди запланированных проектов – разрушение всех мирных стен Северной Ирландии к 2023 г. и построение «общей молодежной программы»¹³⁸. Также активно обсуждались вопросы парадов и флагов, которые стали предметом переговоров в 2013 г. при посредничестве американского дипломата Р. Хаасса.

Важно отметить, что сохраняются проблемы, включающие в себя вопросы как содействия экономическому развитию, так и необходимости преодоление наследия насильственного прошлого и сдерживания сохраняющейся диссидентской активности¹³⁹. Для большинства бывших боевиков – как республиканцев, так и лоялистов – война окончена. Ирландская республиканская армия за последние годы претерпела кардинальные изменения и отказалась от насильственных методов. Но диссидентские республиканские группировки, в том числе отколовшиеся от ИРА, продолжают существовать и представляют опасность, хотя не обладают такой же способностью проводить устойчивую террористическую кампанию, как ИРА в период 1970–1990-х гг.¹⁴⁰. Лоялистские формирования воспринимаются как представляющие меньшую угрозу, но некоторые из них также не прекратили насильственные действия. Тем не менее, о социальных и политических преобразованиях Ольстера свидетельствует тот факт, что большинство ирландских граждан, представителей католической и протестантской общин, осуждают продолжающееся насилие.

Таким образом, этноконфессиональный конфликт, лежащий в основе североирландского терроризма и содержащий в себе множество политических и социальных противоречий, удалось урегулировать мирным путем посредством переговоров. Важнейшим политическим шагом, способствующим установлению мира в Ольстере, стало вовлечение республиканцев в переговорный процесс. Демократические перемены сплотили североирландское сообщество во-

¹³⁸ Robinson and McGuinness outline shared future plans // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-22469237>. (11.04.2020).

¹³⁹ Archick K. Northern Ireland: The Peace Process. P. 11.

¹⁴⁰ McKittrick D. Northern Ireland: The Peace Process and the Dissident Menace. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/northern-ireland-the-peace-process-and-the-dissident-menace-9134728.html>. (11.04.2020).

круг сохраняющейся угрозы терроризма, что способствует организации более эффективной современной антитеррористической борьбы с остаточными актами насилия.

Изменения в структуре властных отношений побудили этноконфессиональные сообщества к переосмыслению своих социально-политических интересов. Дискриминация католического меньшинства уходит в прошлое, социально-экономические различия между католиками и протестантами постепенно стираются. Политический компромисс и реализация принципов правовой государственности позволили достигнуть равновесия и стабилизировать ситуацию в Северной Ирландии¹⁴¹.

Британский опыт антитеррористической борьбы свидетельствует о том, что в целях устранения террористической угрозы и урегулирования конфликта в Северной Ирландии принятия таких мер, как совершенствование антитеррористического законодательства и создание эффективной общегосударственной системы противодействия терроризму, оказалось недостаточно. Можно сделать вывод, что только сочетание антитеррористических и политических мер является наиболее эффективным и позволяет существенно снизить уровень насилия.

¹⁴¹ Луппов И.Ф. Западноевропейские демократии в борьбе против терроризма. С. 139.

2.3. Оценка влияния BREXIT на уровень террористической активности в Северной Ирландии

Мир в Северной Ирландии, достигнутый со времен Соглашения Страстной пятницы, остается хрупок и неустойчив. Относительная политическая стабильность в Белфасте начала рушиться в 2017 г., когда лидер партии Шинн Фейн Мартин МакГиннесс, занимающий пост заместителя первого министра, ушел в отставку на фоне скандала вокруг зеленой энергетики¹⁴². Это привело к распаду Ассамблеи Северной Ирландии, которая возобновила свою работу лишь спустя три года. Во время внеочередного заседания Ассамблеи первый министр Арлен Фостер, лидер Демократической юнионистской партии, заявила, что «Северной Ирландии пора снова двигаться вперед». Вице-президент Шинн Фейн и заместитель первого министра Мишель О'Нил поддержала коллегу и подчеркнула необходимость сотрудничества¹⁴³.

Однако на сегодняшний день процесс налаживания и поддержания мирной жизни в Северной Ирландии замедлился, и виной тому ряд причин. Во-первых, в ходе длительного перехода от насильственных к политико-правовым методам урегулирования конфликта северные ирландцы привыкли к непоследовательности и неудачам. Во-вторых, быстрая череда выборов и референдумов между 2015 и 2017 гг. окончательно закрепила доминирование двух ведущих политических партий региона – Шинн Фейн и Демократической юнионистской партии. Наконец, в 2016 г. решение британского правительства покинуть Европейский союз стало серьезной угрозой для мирного процесса¹⁴⁴.

23 июня 2016 г. прошел референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе, на котором избирателям был задан следующий вопрос: «Долж-

¹⁴² Martin McGuinness resigns as NI deputy first minister // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-38561507>. (13.04.2020).

¹⁴³ Northern Ireland assembly reopens three years after collapse // Guardian News & Media Limited. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2020/jan/11/northern-ireland-assembly-reopens-three-years-after-collapse>. (13.04.2020).

¹⁴⁴ Moltmann B. Northern Ireland: The End of the Story? The Peace Process and the Brexit / B. Moltmann. Frankfurt am Main: Hessische Stiftung Friedensund Konfliktforschung, 2017. P. 7.

но ли Соединенное Королевство оставаться членом Европейского Союза или должно покинуть Европейский союз?»). По итогам референдума Великобритании проголосовала за Brexit: 51,9% голосов было отдано «за» и 48,1% – «против». 31 января 2020 г. страна покинула Евросоюз, однако большинство жителей Северной Ирландии – 55,8% – на референдуме 2016 г. высказались за сохранение Великобритании в составе ЕС¹⁴⁵.

Северная Ирландия редко упоминается в дебатах о членстве Великобритании в Евросоюзе. Тем не менее, Brexit окажет существенное влияние не только на социально-экономическую ситуацию в стране, но также может отрицательно сказаться на процветании региона и англо-ирландских отношениях.

Выход Соединенного Королевства из ЕС повлияет на реализацию широкого спектра прав в Северной Ирландии. На протяжении всей истории региона североирландские католики подвергались масштабной дискриминации, и принцип равенства особенно значим для населения. Защита прав человека имеет особое значение в политике Северной Ирландии в контексте насильственного прошлого и дает уверенность в том, что регион приступает к осуществлению реальных перемен¹⁴⁶.

Brexit стал фактором дестабилизации политики и безопасности в продолжающемся мирном процессе. На первый план выдвинулись глубокие разногласия по поводу выхода Великобритании из ЕС между двумя ведущими партиями региона – Демократической юнионистской партией и Шинн Фейн.

Самая крупная партия в Северной Ирландии, Демократическая юнионистская партия, выступала за выход из Европейского Союза, однако позиция партии непоследовательна. Собственные заявления лидера партии Арлин Фостер по поводу ЕС несколько противоречивы; хотя она и вела кампанию за Brexit, но также положительно отзывалась о финансировании ЕС для Северной Ирландии. С 1995 г. Евросоюз предоставлял Северной Ирландии более 1 млрд. евро в год на программы по вопросам мира и примирения. Фостер признала,

¹⁴⁵ EU Referendum: Results // BBC. URL: https://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results. (13.04.2020).

¹⁴⁶ McCrudden C. The Good Friday Agreement, Brexit, and Rights. P. 5.

что партия разделена по вопросу о членстве Великобритании в ЕС, хотя большинство ее членов являются яркими сторонниками выхода¹⁴⁷.

Представители партии Шинн Фейн утверждали, что Brexit «будет представлять собой огромную неудачу в политическом смысле, поскольку он укрепит разделение»¹⁴⁸. Президент партии Джерри Адамс призывал провести референдум только в Северной Ирландии, если Великобритания проголосует за выход из ЕС, а ирландское правительство – за то, чтобы Север был освобожден от Brexit¹⁴⁹. Такие заявления усиливали давние опасения юнионистов о том, что ирландские националисты могут использовать выход из ЕС для продвижения идеи ирландского объединения.

Демократическая юнионистская партия до краха исполнительной власти в 2017 г. оставалась крупнейшей партией с наибольшим числом мест в Северо-ирландской ассамблее, но ее преимущество перед Шинн Фейн уже не столь очевидное. Националистическая партия на досрочных выборах в 2017 г. получила на один мандат меньше, что свидетельствует о демографических сдвигах в Северной Ирландии.

По данным последней переписи, в 2011 г. католическая община увеличилась до 45% населения, в то время как протестанты перестали быть большинством и составляют 48% жителей Северной Ирландии¹⁵⁰. Рост числа католиков в составе населения может стимулировать дальнейшую военизированную деятельность республиканских диссидентских группировок. Согласно результатам исследований, католические националисты вскоре могут составить большинство населения Северной Ирландии, что дает основание не только поставить под сомнение Соглашение Страстной Пятницы и пересмотреть его в отношении более благоприятных условий для католиков, но и возродить мысль о воссоеди-

¹⁴⁷ FULL STATEMENT: Foster explains why DUP want to leave EU // News Letter. URL: <https://www.newsletter.co.uk/news/full-statement-foster-explains-why-dup-want-leave-eu-1265505>. (14.04.2020).

¹⁴⁸ Young C. Sinn Féin say Good Friday Agreement facing its biggest threat / C. Young // The Irish News. URL: <https://www.irishnews.com/news/2017/12/04/news/sinn-fe-in-say-good-friday-agreement-facing-its-biggest-threat-1202189/>. (14.04.2020).

¹⁴⁹ Moriarty G. SF says North should be able stay in EU in a Brexit / G. Moriarty // The Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/news/politics/sf-says-north-should-be-able-stay-in-eu-in-a-brexit-1.2182397>. (14.04.2020).

¹⁵⁰ Census in Northern Ireland // Northern Ireland Statistics and Research Agency. URL: <https://www.nisra.gov.uk/statistics/census>. (15.04.2020).

нении с Ирландской республикой. Когда на референдуме 2016 г. жители Северной Ирландии проголосовали незначительным большинством голосов за то, чтобы остаться в ЕС, националистические политики по всей Ирландии использовали этот результат для продвижения идеи проведения референдума об объединении Ирландии. Возникли опасения, что если после Brexit будет создана «жесткая» граница между Северной Ирландией и Ирландской республикой, это вновь разожжет кампанию насилия республиканцев-радикалов¹⁵¹.

Участники переговоров о выходе Великобритании из Евросоюза хорошо знали об угрозе безопасности, которую представляет потенциальная физическая таможенная граница. Официальные лица ЕС, Ирландии и Великобритании стремились избежать возвращения «жесткой» границы между Северной Ирландией и Ирландской республикой, опасаясь, что контрольно-пропускные пункты могут затруднить торговлю, возродить напряженность в отношениях между общинами и «открыть дверь» для возобновления насилия. Однако обязательства Лондона по выходу из европейского единого рынка и Таможенного союза ЕС сделало пограничные проверки неизбежными¹⁵².

Северная Ирландия – это единственная часть Великобритании, которая после Brexit будет иметь общую сухопутную границу с другим государством-членом ЕС. Любое препятствие действию соглашения об общей зоне передвижения и прозрачности границы ставит под сомнение главную цель Белфастского соглашения в сведении значения сухопутной границы между Северной Ирландией и Республикой Ирландия к минимуму¹⁵³. Это стало основанием для предложения бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй о невозвращении границы между двумя частями острова (которое было трижды отклонено, поскольку страна фактически осталась бы в таможенном союзе с ЕС),

¹⁵¹ *Blazakis J.* Brexit Could Spark a Return to Violence in Northern Ireland / J. Blazakis, C.P. Clarke // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/01/22/northern-ireland-paramilitary-violence-brexit/>. (14.04.2020).

¹⁵² *Ibid.*

¹⁵³ *McCrudden C.* The Good Friday Agreement, Brexit, and Rights. P. 5.

а также для недавно одобренного соглашения премьер-министра Бориса Джонсона¹⁵⁴.

В соответствии с запланированными договоренностями Северная Ирландия, как и остальная часть Великобритании, покинет Таможенный союз ЕС, что станет основой для единых тарифов на все товары. Однако любые необходимые таможенные проверки будут проводиться не на границе с Ирландской Республикой, а скорее между Северной Ирландией и Великобританией, т.е. фактически создавалась новая морская граница. Между тем Северная Ирландия останется в зоне действия общеевропейских правил торговли, позволяя сухопутной границе с Ирландией оставаться открытой¹⁵⁵.

Сделка Джонсона, а по сути новая редакция протокола по Ирландии и Северной Ирландии¹⁵⁶, действительно урегулировала некоторые вопросы, но будущее Северной Ирландии во многом остается неопределенным, в том числе и экономические последствия Brexit для региона. Окончательно переговоры по выходу Великобритании из ЕС должны завершиться до конца 2020 г.

Важно отметить, что североирландские юнионисты выступают против соглашения Джонсона, поскольку, по их мнению, Северная Ирландия должна покинуть Евросоюз на тех же условиях, что и все Соединенное Королевство. Их позиция обусловлена опасениями возможности получения Северной Ирландии особого статуса, который может быть использован в целях объединения Ирландии¹⁵⁷.

Лоялистские формирования, как и республиканские группировки, начинают приобретать более острый политический характер. Несмотря на то, что лоялисты не совершали таких громких атак, как республиканцы, и при этом не высказывались открыто о своей оппозиции политическим изменениям, они бы-

¹⁵⁴ *Blazakis J.* Brexit Could Spark a Return to Violence in Northern Ireland. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/01/22/northern-ireland-paramilitary-violence-brexit/>. (14.04.2020).

¹⁵⁵ Brexit: What is in Boris Johnson's new deal with the EU? // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-50083026>. (16.04.2020).

¹⁵⁶ Protocol on Ireland and Northern Ireland: Questions & Answers // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_18_6423. (16.04.2020).

¹⁵⁷ *Kane A.* Boris Johnson's betrayal will leave the DUP with one option – to back remain / A. Kane // Guardian News & Media Limited. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/oct/28/boris-johnson-dup-remain-arlene-foster-union-northern-ireland>. (16.04.2020).

ли в центре акций протеста, проводимых по всей стране с момента объявления сделки Джонсона. Некоторые военизированные формирования лоялистов даже сообщили о возможном возвращении к насилию. Более того, как отметил ирландский сенатор Марк Дэли, «если референдум по вопросу о единой Ирландии будет объявлен, экономически или социально маргинализованная молодежь из лоялистской общины может быть рекрутирована военизированными группировками лоялистов для участия в протестах с применением насилия»¹⁵⁸. Исследования показывают, что растущее число вооруженных нападений в Северной Ирландии в большей степени обусловлено деятельностью лоялистов, что позволяет предположить, что теперь они представляют большую угрозу безопасности, чем республиканцы¹⁵⁹.

Brexit подрывает с трудом завоеванный мир в Северной Ирландии, создавая напряженность в отношениях между католической и протестантской общинами. Он разжигает беспокойство среди населения и порождает насилие, экстремизм и, возможно, даже новую волну терроризма. Для анализа актуальности проблемы терроризма в Великобритании были выбраны результаты опроса общественного мнения «Евробарометр» от августа 2019 г.¹⁶⁰. Анкетирование проводилось среди жителей 28 государств – членов ЕС (27464 респондента) и среди жителей Соединенного Королевства (1032 опрошенных). Рассмотрим соотношение ответов по проблеме террористической угрозы двух выборочных совокупностей.

На сегодняшний день терроризм является наименее важной проблемой для жителей стран-членов ЕС в целом. При ответе на вопрос «Как Вы думаете, с какими двумя наиболее важными проблемами ваша страна сталкивается сегодня?» только 6% опрошенных выразили обеспокоенность террористической активностью в своей стране. Для жителей Великобритании эта проблема более

¹⁵⁸ Вендик Ю. 50 лет с начала ольстерской Смуты. Как Северная Ирландия теперь переживает «брексит»? / Ю. Вендик // Русская служба Би-би-си. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49313684>. (16.04.2020).

¹⁵⁹ Blazakis J. Brexit Could Spark a Return to Violence in Northern Ireland. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/01/22/northern-ireland-paramilitary-violence-brexit/>. (14.04.2020).

¹⁶⁰ Standard Eurobarometer 91: United Kingdom // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKY/2253>. (15.04.2020).

актуальна и располагается на 10 месте из 13 возможных: 9% респондентов считают террористическую угрозу существенной. Терроризм волнует британскую общественность больше, чем граждан любой другой европейской страны. Это объясняется тем, что, согласно статистическим данным Европола за 2018 г., государства-члены ЕС сообщили в общей сложности о 129 сорванных, неудачных и завершенных террористических атаках, из которых наибольшее число нападений было совершено в Соединенном Королевстве (60 террористических актов). За Великобританией по количеству терактов следовали Франция, Италия, Испания, Греция, Нидерланды, Германия, Бельгия и Швеция¹⁶¹.

Опасность терроризма рассматривается в контексте важнейших проблем, стоящих перед Евросоюзом в целом. Об этом свидетельствуют данные ответа на вопрос: «Как Вы считаете, какие две самые важные проблемы стоят перед ЕС на сегодняшний день?»: 18% жителей государств-членов ЕС и 13% опрошенных британцев поместили проблему терроризма в топ-5 главных вызовов Евросоюзу.

Можно прийти к выводу, что часть британцев серьезно обеспокоена проблемой терроризма, и предположить, что эти опасения вызваны предстоящим выходом Великобритании из ЕС, который способен дестабилизировать ситуацию в стране. Проблема террористической угрозы воспринимается в большей мере не на уровне европейского сообщества, а в контексте безопасности Соединенного Королевства, которое после Brexit может столкнуться с ростом числа террористических атак и с рядом трудностей в обеспечении мира и стабильности.

Таким образом, Brexit может спровоцировать возвращение к насилию в Северной Ирландии. Рассмотрим статистику террористической активности в Великобритании за период 2010 – 2018 гг. (рис. 1), чтобы обосновать выдвинутое предположение. Данные не вполне релевантны для Северной Ирландии, но позволяют сформировать представление о реакции террористических группи-

¹⁶¹ EU Terrorism Situation & Trend Report 2019 (Te-Sat) // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, 2019. P. 12. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/terrorism-situation-and-trend-report-2019-te-sat>. (19.04.2020).

ровок на события этих лет. Кроме того, из 60 нападений, о которых сообщило Соединенное Королевство в 2018 г., 56 терактов было связано с безопасностью в Северной Ирландии, включая одно нападение на объекты национальной безопасности¹⁶². График в значительной мере отражает активность североирландских террористов.

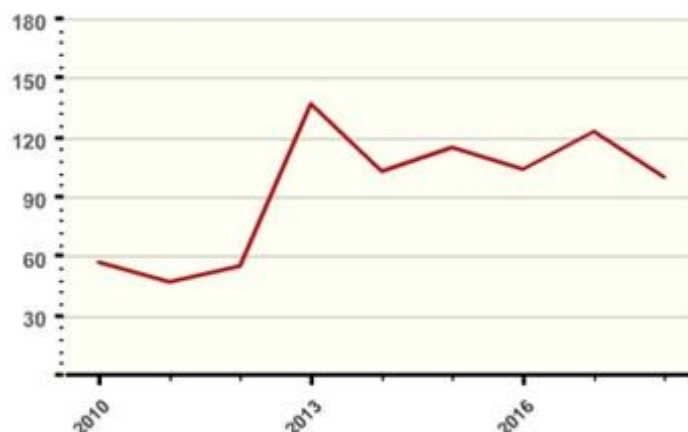

Рисунок 1 – Статистика террористической активности в Великобритании за период 2010–2018 гг.

Источник: Global Terrorism Database

В качестве точки отсчета был выбран 2010 г., поскольку именно тогда завершился процесс деволуции в Северной Ирландии. Вплоть до 2013 г. мы видим стабильно невысокий уровень насилия на территории Великобритании: меньше всего терактов было совершено в 2011 г. – 47 террористических атак, большинство из которых (44 теракта) – на территории Северной Ирландии. Резкий скачок насилия произошел в 2013 г.: было совершено 137 террористических нападений. Именно в этом году на фоне евроскептицизма премьер-министр Дэвид Кэмерон впервые открыто заявил о намерении провести референдум о судьбе Великобритании в Евросоюзе¹⁶³. Начиная с 2013 г. Brexit был поставлен в повестку дня британцев и установился высокий уровень террористической угрозы.

¹⁶² EU Terrorism Situation & Trend Report 2019 (Te-Sat). P. 12. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/terrorism-situation-and-trend-report-2019-te-sat>. (19.04.2020).

¹⁶³ Brexit timeline: UK's departure from the EU // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-43546199>. (18.04.2020).

Диссидентские республиканские группы продолжают представлять значительную угрозу безопасности Северной Ирландии. На рис. 2 продемонстрирована статистика террористической активности республиканских формирований, пик которой приходится на 2013–2015 гг. В отчете Европола за 2018 г. отмечается, что угроза исходит главным образом от Новой Ирландской республиканской армии (New IRA/NIRA), Преемственной Ирландской республиканской армии (Continuity IRA/CIRA), Arm na Poblachta (ANP, Армия Республики) и Oglagh na hÉireann (ONH, Силы обороны Ирландии). Все группы по-прежнему выступают против текущего мирного процесса и твердо привержены насилию как методу достижения своей цели – создания единой Ирландии¹⁶⁴.

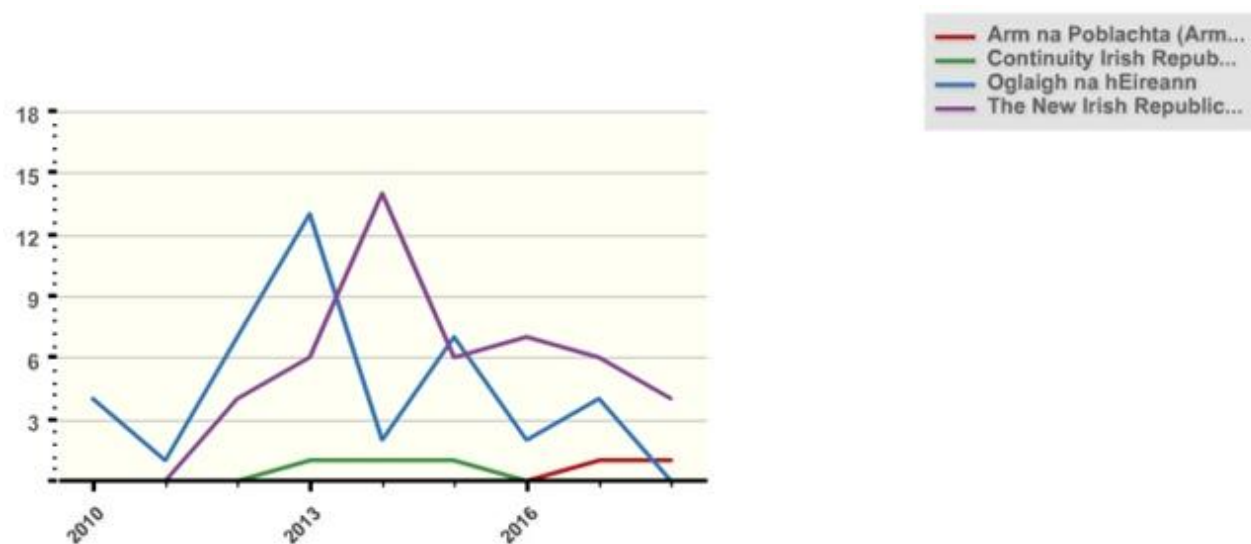

Рисунок 2 – Статистика террористической активности республиканских формирований в Великобритании за период 2010–2016 гг.

Источник: Global Terrorism Database

Группы диссидентов-республиканцев сохранили доступ к огнестрельному оружию и взрывчатым веществам и продолжают планировать и осуществлять нападения. Главными мишенями по-прежнему остаются полиция, сотрудники исправительных учреждений и военнослужащие. Помимо этого, члены этих групп продолжают участвовать в организованной преступной деятельности,

¹⁶⁴ EU Terrorism Situation & Trend Report 2019 (Te-Sat). P. 53. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/terrorism-situation-and-trend-report-2019-te-sat>. (19.04.2020).

включая торговлю наркотиками, вымогательство, отмывание денег и убийства¹⁶⁵.

Республиканские и лоялистские военизированные формирования используют уход Великобритании из ЕС в качестве политического прикрытия, чтобы возродить свои некогда бездействующие кампании терроризма. Согласно недавнему отчету Полицейской службы Северной Ирландии, в период с 1 января по 31 декабря 2019 г. произошел рост военизированного насилия по сравнению с предыдущим отчетным периодом. В течение этого года от рук террористов пострадало 67 человек (в то время как в 2018 г. насчитывается 51 жертва). Доклад Независимой комиссии по отчетности от ноября 2019 г. подтверждает эти данные: «Хотя с 2009–2010 гг. наблюдается тенденция к снижению частоты нападений в военизированном стиле, перестрелок и взрывов бомб, число смертей, связанных с военизированными организациями, и число вооруженных нападений, совершенных в период с 1 октября 2018 г. по 30 сентября 2019 г., возросло»¹⁶⁶.

Террористические акты последних лет усиливают страх перед новой кампанией насилия. В январе 2019 г. Новая ИРА была признана ответственной за взрыв автомобиля возле здания суда в Лондондерри¹⁶⁷, где эта группа наиболее активна. В апреле этого года членами группировки была застрелена журналистка Лира Макки в результате беспорядков в Дерри. Хотя республиканцы выразили сожаление по поводу убийства, это событие вызвало широкий резонанс¹⁶⁸. Почти ежемесячно совершаются атаки на полицейских¹⁶⁹. Совсем недавно, в

¹⁶⁵ EU Terrorism Situation & Trend Report 2019 (Te-Sat). P. 53. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/terrorism-situation-and-trend-report-2019-te-sat>. (19.04.2020).

¹⁶⁶ Blazakis J. Brexit Could Spark a Return to Violence in Northern Ireland. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/01/22/northern-ireland-paramilitary-violence-brexite/>. (14.04.2020).

¹⁶⁷ Londonderry: Bomb explodes in car outside courthouse // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-46934277>. (19.04.2020).

¹⁶⁸ Lyra McKee murder: Journalist shot dead during Derry rioting // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-47985469>. (19.04.2020).

¹⁶⁹ Timeline of dissident republican activity // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-10866072>. (19.04.2020).

январе 2020 г., Новая ИРА похитила и застрелила 15-летнего мальчика в районе Крегган в Дерри¹⁷⁰.

Объединенный Центр анализа терроризма (ЖТАС), часть МИ-5, определяет текущий уровень угрозы терроризма для Северной Ирландии как «серьезный» уже 10 лет с момента первой публикации в 2010 г.¹⁷¹, в связи с чем вопросы сотрудничества в сфере охраны правопорядка и уголовного правосудия особенно актуальны. Ирландское правительство рассматривает перспективу выхода Великобритании из Евросоюза как серьезную угрозу для трансграничного сотрудничества в борьбе с терроризмом и расследованием серьезных преступлений¹⁷².

Британские и ирландские органы охраны порядка и безопасности активно сотрудничали с европейскими полицейскими и судебными органами, такими как Полицейская служба ЕС (Европол) и Евроюст, при проведении контртеррористических и уголовных расследований по обе стороны границы. Brexit также коснется вопросов экстрадиции: неоднократно подчеркивалась значимость Европейского ордера на арест, широко используемого британскими и ирландскими службами безопасности для борьбы с терроризмом и другими серьезными преступлениями. Не менее важна Шенгенская информационная система, сообщающая о предполагаемых преступниках в режиме реального времени. В связи с этим помощник главного констебля Полицейской службы Северной Ирландии Грег Кларк заявил, что «агентство «вернется к неоптимальным» операциям, если Великобритания потеряет доступ к европейскому ордеру на арест и не сможет обмениваться криминальными данными с ЕС в сценарии аварийного выхода»¹⁷³. В виду отсутствия новых соглашений с Евросоюзом в области

¹⁷⁰ *Blazakis J.* Brexit Could Spark a Return to Violence in Northern Ireland. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/01/22/northern-ireland-paramilitary-violence-brexit/>. (14.04.2020).

¹⁷¹ Counter-Terrorism: Threat level // Security Service MI5. URL: <https://www.mi5.gov.uk/threat-levels>. (20.04.2020).

¹⁷² *Watt N.* Northern Ireland would face «serious difficulty» from Brexit, Kenny warns / N. Watt // Guardian News & Media Limited. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jan/25/northern-ireland-irish-republic-eu-referendum-enda-kenny>. (20.04.2020).

¹⁷³ *Gallardo C.* No-deal Brexit could lead to increased terrorism in Northern Ireland, police say / C. Gallardo // Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/no-deal-brexit-increased-terrorism-northern-ireland-police-say/>. (21.04.2020).

безопасности, на наш взгляд, террористические группировки будут иметь больше возможностей для совершения террористических преступлений.

Таким образом, устранение европейского измерения может нарушить хрупкое равновесие, достигнутое в Северной Ирландии после заключения Соглашения Страстной пятницы. Регион находится в самом разгаре мирного процесса и только стремится к тому, чтобы стать постконфликтным обществом.

Северная Ирландия по-прежнему находится под угрозой республиканско-католического и лоялистско-протестантского экстремизма и терроризма, и выход из Европейского союза может породить новую волну насилия. После начала мирного процесса произошли отдельные, частично серьезные акты насилия, и не было ни одного года без террористических атак, а в последние годы их число существенно возросло. Политические и экономические последствия Brexit в обозримом будущем являются большими помехами в сближении протестантской и католической общины в Северной Ирландии и разжигают ненависть. Один из главных вопросов заключается в том, сможет ли Brexit побудить жителей региона провести референдум и проголосовать за то, чтобы покинуть Великобританию и присоединиться к Ирландской республике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема терроризма и эффективной контртеррористической деятельности не теряет своей актуальности, поскольку правительства во все времена пытались бороться с противостоящими им террористическими группировками. Формирование нормативно-правовой базы стало одним из основных направлений контртерроризма. Однако помимо совершенствования правовой основы необходимым представляется применение антитеррористических мер политического и управленческого характера.

Британский опыт борьбы с терроризмом в Северной Ирландии и, в частности, противостояние террористической активности Ирландской республиканской армии (ИРА), а также ее ответвлениям является наглядным примером успешной контртеррористической деятельности и представляет интерес в связи с возможностью ее адаптации к современным стратегиям контртерроризма.

Терроризм в Северной Ирландии является этнорелигиозным и проистекает из многовекового конфликта между двумя этноконфессиональными группами – католической и протестантской. Для этнорелигиозного терроризма характерно применение общинами насильственных практик, аккумуляция националистических, религиозных и политических факторов, враждебность по признакам религиозной и этнической принадлежности и стремление сохранить собственную идентичность; такой терроризм вырастает на почве экстремизма и сопряжен с борьбой этноконфессиональной группы за свои интересы.

Начиная со второй половины XX в. религиозный фанатизм стал одним из основных мотивов совершения террористических актов, а под воздействием глобализационных процессов обострились как исторические этноконфессиональные противоречия, так и борьба за сохранение религиозных и этнокультурных ценностных ориентаций. Глобализация была воспринята этноконфессиональными общностями как угроза их собственным интересам и основам идентичности, и тактика терроризма приняла форму защитного механизма. Кроме

того, научно-технический прогресс способствовал совершенствованию форм и методов террористической деятельности.

Вовлечение общин является значимым аспектом в процессе урегулирования конфликта. Помимо основных направлений контртеррористической деятельности, при борьбе с этнорелигиозным терроризмом необходимо подчеркнуть важность переговорного процесса: налаживание диалога между этноконфессиональными группами и стремление к компромиссу являются основополагающими составляющими успешного искоренения неприязни и ненависти. Более того, пример Северной Ирландии демонстрирует эффективность инкорпорации этноконфессиональной группы в политическую и административную структуру управления.

Эффективность антитеррористических мер чаще всего оценивается количественно на основании статистических данных по таким параметрам, как число терактов, число жертв, материальные потери. Однако рационалистический подход игнорирует качественные показатели эффективности. Важно рассматривать каждую конкретную составляющую антитеррористической политики в отдельности и то, какие она влечет за собой последствия и как способствует достижению мира.

Проблема эффективности контртерроризма рассматривается на примере Северной Ирландии. Североирландский конфликт имеет давнюю историю противостояния католического и протестантского населения и является следствием жесткой британской политики. Для него характерны крайние формы политического насилия, проявляющиеся наиболее активно с начала 1920-х гг., когда Северная Ирландия осталась в составе Великобритании, а Ирландская республика откололась от британского правления.

Противостояние в Северной Ирландии – это конфликт идентичностей. Североирландский конфликт был одновременно политической борьбой между двумя враждующими партиями – националистами (республиканцами) и юнионистами (лоялистами), гражданским конфликтом между общинами католиков и протестантов, каждая из которых имела свои собственные военизированные

формирования, и масштабным противостоянием между Ирландской республиканской армией и Великобританией.

Сохраняющаяся дискриминация католического меньшинства, ввод британских войск и возобновление прямого правления для урегулирования конфликта стали факторами эскалации напряженности. Период 1970–1990-х гг. стал самым кровопролитным: ИРА проводила масштабную кампанию террористических актов в Великобритании и Северной Ирландии, происходили столкновения как с лоялистскими вооруженными формированиями, так и с правительственными силами. Деятельность ИРА рассматривалась активистами как борьба за справедливость и национальную независимость.

Противостояние ИРА и британского правительства нарушило нормальное функционирование общественной жизни в Северной Ирландии, что побудило Великобританию принять активное участие в процессе мирного урегулирования конфликта.

Ссылаясь на количественные показатели при анализе контртеррористической деятельности Великобритании, такие как число террористических атак, автором делается акцент на качественный анализ методов, составляющих анти-террористическую политику; сосредоточено внимание на стремлении противостоящих сторон решить проблему мирными методами: путем переговоров и с помощью реализации политических мер.

Начиная с 1980-х гг. республиканцы были вовлечены в переговорный процесс: Англо-ирландское соглашение 1985 г. открыло националистам доступ к участию в политической жизни, активно развивалось законодательство по вопросам равенства, Декларация Даунинг-стрит способствовала отказу от насилия. Благодаря реализованным мерам в 2005 г. ИРА отказалась от использования насильственных методов и заявила о своем намерении достигать поставленных целей мирными средствами. Ключевой фигурой в мирном процессе стало политическое крыло ИРА – партия Шинн Фейн, которая начала сотрудничать с протестантами в политическом пространстве.

Наиболее эффективной мерой стало подписание Соглашения Страстной пятницы в 1998 г. Мирное соглашение положило конец беспорядкам и установило консенсус в отношении мира и будущего развития региона. Оно определяло конституционный статус Северной Ирландии, предусматривало создание автономных органов власти и ознаменовало приверженность взаимному уважению, гражданским правам и религиозным свободам.

Демократические перемены сплотили граждан, которые проявляли единодушие в неприятии насильственных методов как способа решения противоречий. Дальнейшие разногласия решались путем переговоров, хотя деятельность правительства оставалась нестабильной и глубинные противоречия сохранялись.

Проблема дискриминации католического меньшинства была урегулирована, и различия между двумя этноконфессиональными общностями постепенно стираются. Политический компромисс и реализация принципов правовой государственности позволили ослабить межрелигиозную напряженность и принесли стабильность в Северную Ирландию.

Североирландский конфликт, распространившийся на материковую часть Великобритании, способствовал активному развитию антитеррористического законодательства страны. Однако при рассмотрении примера Северной Ирландии становится очевидно, что только сочетание жестких антитеррористических мер с политической гибкостью и готовностью к диалогу является наиболее эффективным и позволяет существенно снизить уровень насилия.

Важно отметить, что выход Великобритании из Европейского союза, не отвечающий интересам большинства жителей Северной Ирландии, может выступить в качестве катализатора дальнейшего ухудшения межобщинных отношений и возобновления насильственных действий. Согласно данным за последние годы, произошел рост числа терактов и военизированных нападений. Североирландский терроризм можно рассматривать как кризис политического, возникающий в том случае, когда не представляется возможным достичь желаемых целей законными средствами. Рост террористической активности, на

наш взгляд, был спровоцирован отходом от политического урегулирования конфликта посредством ведения переговоров и достижения компромиссов.

Как показывает анализ нынешней ситуации в Северной Ирландии, граждане обеспокоены возрастающей угрозой насилия, из чего можно заключить, что чувство незащищенности является одним из показателей эффективности контртерроризма. Основная сложность состоит в том, какими методами будет осуществляться примирение враждующих сторон в дальнейшем и сможет ли Brexit привести к распаду Великобритании.

Таким образом, задачи решены в полном объеме, цель достигнута – изучен феномен контртерроризма и проанализированы методы борьбы с североирландским терроризмом сквозь призму оценки эффективности предпринятых мероприятий.

Необходимо отметить, что в работе рассмотрены лишь некоторые законодательные акты по борьбе с терроризмом, в связи с чем исследование влияния конфликта в Северной Ирландии на развитие антитеррористического законодательства Великобритании может быть продолжено. Кроме того, представляется интересным изучить роль международного сообщества в урегулировании североирландского конфликта. Данные вопросы в перспективе могут быть рассмотрены в качестве направлений для дальнейшего исследования.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что контртеррористическую деятельность современного государства не следует рассматривать как тактику войны с терроризмом: урок, извлеченный из конфликта в Северной Ирландии, заключается в том, что эффективная контртеррористическая стратегия должна выходить за рамки силовых методов и содержать меры политического и социального урегулирования конфликта. Формирование гибкой и последовательной антитеррористической стратегии позволит достигнуть заметного снижения уровня насилия и выработать более эффективные меры противодействия террористической угрозе, ориентированные на долгосрочное решение проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН. Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2006 г. [Электронный ресурс] // Сайт ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/victimsofterrorism/ru/node/233>. – Загл. с экрана. (17.03.2020).
2. Резолюция 1373 (2001) Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] // Сайт ООН. – Режим доступа: https://www.unodc.org/pdf/crime/terrorism/res_1373_russian.pdf. – Загл. с экрана. (17.03.2020).
3. Northern Ireland Constitution Act 1973 [Electronic resource] // Legislation.gov.uk. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1973/36/contents>. – Загл. с экрана. (05.04.2020).
4. The Belfast Agreement text [Electronic resource] // CAIN Web Service. – Режим доступа: <https://cain.ulster.ac.uk/events/peace/docs/agreement.htm>. – Загл. с экрана. (07.04.2020).
5. The European Union Counter-Terrorism Strategy 2005 [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2014469%202005%20REV%204>. – Загл. с экрана. (17.03.2020).

Монографии

6. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; Пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

7. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек; Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
8. *Витюк В.В.* Терроризм как политический феномен и как террористическая проблема / В.В. Витюк, И.В. Данилевич // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / Под ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 358 с.
9. *Гарев В.А.* Информационная борьба с международным терроризмом: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Гарев Владимир Анатольевич. – М., 2007. – 21 с.
10. *Кревельд М. Ван.* Расцвет и упадок государства / М. Ван Кревельд; Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. – М.; Челябинск: Социум, 2020. – 544 с.
11. *Луппов И.Ф.* Западноевропейские демократии в борьбе против терроризма : монография / И.Ф. Луппов. – СПб.: Книжный дом, 2009. – 303 с.
12. *Полякова Е.Ю.* Ирландия в XX веке / Е.Ю. Полякова. – М.: КДУ, 2009. – 170 с.
13. *Рахманова Е.Н.* Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования / Е.Н. Рахманова. – М.: Российская академия правосудия, 2009. – 192 с.
14. *Устинов В.В.* Обвиняется терроризм / В.В. Устинов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 416 с.
15. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
16. *Цыганов В.* Медиа-терроризм: Терроризм и средства массовой информации / В. Цыганов. – Киев: Ника – Центр, 2004. – 124 с.
17. *Этнорелигиозный терроризм / Ю.М. Антонян, Г.И. Белокуров, А.К. Бокотовиков; Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 318 с.*
18. *Archick K.* Northern Ireland: The Peace Process / K. Archick. – Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2015. – 23 p.

19. *Aughey A.* The Anglo-Irish Agreement: Rethinking Its Legacy / Ed. by A. Aughey, C. Gormley-Heenan. – Manchester: Manchester University Press, 2011. – 169 p.
20. *Bell J.B.* Transnational Terror / J.B. Bell. – Washington, D.C.: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1975. – 91 p.
21. *Haberfeld M.R.* Terrorism Within Comparative International Context: The Counter-Terrorism Response and Preparedness / M.R. Haberfeld, J.F. King, C.A. Lieberman. – N.Y.: Springer, 2009. – 176 p.
22. *Hastings M.* Ulster 1969: The fight for civil rights in Northern Ireland / M. Hastings. – London: Gollancz, 1970. – 203 p.
23. *Kadayifci-Orellana S.A.* Ethno-Religious Conflicts: Exploring the Role of Religion in Conflict Resolution // The SAGE Handbook of Conflict Resolution / Ed. by J. Bercovitch, V. Kremenyuk, I.W. Zartman. – London: SAGE, 2009. – Pp. 264-284.
24. *Madias J.* Northern Ireland Conflict: Remaining Issues with the Peace Process / Ed. by G.L. Branham, J. Madias. – SPEA Undergraduate Honors Thesis, 2015. – 32 p.
25. *McCrudden C.* The Good Friday Agreement, Brexit, and Rights / C. McCrudden. – Dublin; London: Royal Irish Academy; British Academy, 2017. – 15 p.
26. *McGarry F.* The Rissing. Ireland: Easter 1916 / F. McGarry. – N.Y.: Oxford University Press, 2016. – 371 p.
27. *Moltmann B.* Northern Ireland: The End of the Story? The Peace Process and the Brexit / B. Moltmann. – Frankfurt am Main: Hessische Stiftung Friedensund Konfliktforschung, 2017. – 21 p.
28. *Montano J.P.* The Roots of English Colonialism in Ireland / J.P. Montano. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 426 p.
29. *Perl R.* Combating Terrorism: The Challenge of Measuring Effectiveness / R. Perl. – Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2007. – 12 p.

30. *Political Handbook of the World 1998* / Ed. by A.S. Banks. – Binghamton, N.Y.: CSA Publications, 1998. – 1312 p.
31. *Potter J. Testimony to Courage: The History of the Ulster Defence Regiment, 1969–1992* / J. Potter. – Barnsley: Leo Cooper, 2008. – 340 p.
32. *Riedel B. The search for al-Qaeda: Its leadership, ideology, and future* / B. Riedel. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008. – 186 p.
33. *Ruane J. Conflict and reconciliation in Northern Ireland // Are the Irish different?* / Ed. by T. Inglis. – Manchester: Manchester University Press, 2014. – Pp. 166-176.
34. *Sheehan M.A. Crush the cell: How to defeat terror without terrorizing ourselves* / M.A. Sheehan. – N.Y.: Crown, 2007. – 304 p.
35. *Walker D.M. Historical dictionary of Marxism* / D.M. Walker, D. Gray. – Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2014. – 551 p.

Публикации в периодических печатных изданиях

36. *Будаева С.В. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом* / С.В. Будаева, Н.В. Дегтярева // *Вестник Забайкальского государственного университета*. – 2014. – № 05 (108). – С. 65-71.
37. *Голубева А.С. Влияние глобализации на этнические процессы в современном мире* / А.С. Голубева // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2017. – № 3. – С. 46-49.
38. *Горбунов Ю.С. О системе мер в области борьбы с терроризмом* / Ю.С. Горбунов // *Вестник Томского государственного университета*. – 2007. – № 294. – С. 224-227.
39. *Канунникова Н.Г. Зарубежный опыт противодействия международному экстремизму и терроризму* / Н.Г. Канунникова // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2014. – № 3 (29). – С. 163-168.
40. *Нардина О.В. Общегосударственная антитеррористическая стратегия: культурно-мировоззренческие меры противодействия терроризму* / О.В.

- Нардина // Культура: управление, экономика, право. – 2007. – № 1. – С. 32-36.
41. *Русанова О.А.* Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северокавказского региона) / О.А. Русанова // Вестник Московского университета. – 2015. – № 2. – С. 108-124.
42. *Сафонов А.К.* Понятие и истоки современного терроризма / А.К. Сафонов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 1 (57). – С. 64-66.
43. *Сидоров Б.В.* Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства / Б.В. Сидоров // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 2. – С. 115-122.
44. *Степанова Е.А.* Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология / Е.А. Степанова // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 7. – С. 23-32.
45. *Ahern B.* The Fate and Legacy of the Good Friday Agreement / B. Ahern // Harvard International Review. – 2003. – Vol. 24. – No. 4. – Pp. 26-31.
46. *Bandarage A.* Beyond Globalization and Ethno-religious Fundamentalism / A. Bandarage // Development. – 2004. – Vol. 47. – No. 1. – Pp. 35-41.
47. Challenges for Effective Counterterrorism Communication: Practitioner Insights and Policy Implications for Preventing Radicalization, Disrupting Attack Planning, and Mitigating Terrorist Attacks / D. Parker [et al.] // Studies in Conflict & Terrorism. – 2019. – Vol. 42 (3). – Pp. 264-291.
48. *Dawson G.* Trauma, Place and the Politics of Memory: Bloody Sunday, Derry, 1972–2004 / G. Dawson // History Workshop Journal. – 2005. – № 59. – Pp. 151-178.
49. *Dingley J.* The Bombing of Omagh, 15 August 1998: The Bombers, Their Tactics, Strategy, and Purpose Behind the Incident / J. Dingley // Studies in Conflict & Terrorism. – 2001. – Vol. 24. – Pp. 451-465.

50. *Frisch H.* Motivation or capabilities? Israeli counterterrorism against Palestinian suicide bombings and violence / H. Frisch // *Journal of Strategic Studies*. – 2006. – No. 29 (5). – Pp. 843-869.
51. *Gunaratna R.* Understanding the Challenge of Ideological extremism / R. Gunaratna // *UNISCI Discussion papers*. – 2008. – No. 18. – Pp. 113-126.
52. *Lutz B.J., Lutz J.M.* Globalisation and Terrorism in the Middle East / B.J. Lutz, J.M. Lutz // *Perspectives on Terrorism*. – 2015. – Vol. 9. – No. 5. – Pp. 27-46.
53. *Malvesti M.L.* Bombing bin Laden: Assessing the Effectiveness of Air Strikes as a CounterTerrorism Strategy / M.L. Malvesti // *The Fletcher Forum of World Affairs*. – 2002. – No. 26 (1). – Pp. 17-29.
54. *McGarry J., O'Leary B.* Consociational Theory, Northern Ireland's Conflict, and its Agreement. Part 1: What Consociationalists Can Learn from Northern Ireland / J. McGarry, B. O'Leary // *Government and Opposition*. – 2006. – Vol. 41 (1). – Pp. 43-63.
55. *Naseri C.N.* Religion and Terrorism Identifying The Relationship / C.N. Naseri // *Contemporary Journal of Arts and Science*. – 2015. – Vol. 1. – No. 1. – Pp. 72-80.
56. *O'Donnell C.* The Sunningdale Communique, 1973, and Bipartisanship in the Republic of Ireland / C. O'Donnell // *IBIS Working Paper*. – 2007. – No. 81. – 16 p.
57. *Orlov Y.* Ethno-Religious Terrorism: Essence, Dimensions, Concept / Y. Danylchenko, Y. Orlov, A. Yashchenko // *Baltic Journal of Economic Studies*. – 2018. – Vol. 4. – No. 4. – Pp. 244-251.
58. *Praja J.S.* Islam, Globalization and Counter Terrorism / J.S. Praja // *132nd International Senior Seminar Visiting Experts' Papers*. – 2007. – No. 71. – Pp. 32-39.
59. *Spencer A.* Questioning the Concept of «New Terrorism» / A. Spencer // *Peace, Conflict & Development*. – 2006. – No. 8. – Pp. 1-33.

60. *Van Dongen T.W.* Break it down: An alternative approach to measuring effectiveness in counterterrorism / T.W. van Dongen // *Journal of Applied Security Research*. – 2011. – No. 6 (3). – Pp. 357-371.
61. *Van Um E.* Dealing with uncertainty: the illusion of knowledge in the study of counterterrorism effectiveness / E. van Um, D. Psoiu // *Critical Studies on Terrorism*. – 2015. – Vol. 8. – No. 2. – Pp. 229-245.

Источники на электронных носителях

62. *Вендик Ю.* 50 лет с начала ольстерской Смуты. Как Северная Ирландия теперь переживет «брексит»? [Электронный ресурс] / Ю. Вендик // Русская служба Би-би-си. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-49313684>. – Загл. с экрана. (16.04.2020).
63. *Горбанев В.А.* Этнические конфликты в условиях глобализации [Электронный ресурс] / В.А. Горбанев // Университетские чтения. – 2009. – Режим доступа: http://pglu.ru/upload/iblock/115/uch_2009_xi_00038.pdf. – Загл. с экрана. (11.03.2020).
64. Перечень конвенций и соглашений ООН [Электронный ресурс] // Сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_terrorism.shtml. – Загл. с экрана. (16.03.2020).
65. *Лафранчи Г.* ИРА, прощай оружие! [Электронный ресурс] / Г. Лафранчи, М. Райс-Охли // InoPressa.ru. – Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/29jul2005/csmonitor/ira.html>. – Загл. с экрана. (10.04.2020).
66. *Николаев И.* Опыт Великобритании – в пример [Электронный ресурс] / И. Николаев // Независимая газета. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/spforces/2002-11-29/7_great_britain.html?id_user=Y. – Загл. с экрана. (05.04.2020).

67. Федотова В.Г. Глобализация и терроризм [Электронный ресурс] / В.Г. Федотова // Космополис. – 2003. – № 3. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/konflikt/fedotova.php>. – Загл. с экрана. (10.03.2020).
68. Шинн Фейн признала полицию Северной Ирландии [Электронный ресурс] // Русская служба Би-би-си – Информационные услуги. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_6306000/6306993.stm. – Загл. с экрана. (11.04.2020).
69. Blazakis J. Brexit Could Spark a Return to Violence in Northern Ireland [Electronic resource] / J. Blazakis, C.P. Clarke // Foreign Policy. – Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2020/01/22/northern-ireland-paramilitary-violence-brexit/>. – Загл. с экрана. (14.04.2020).
70. Brexit timeline: UK's departure from the EU [Electronic resource] // BBC. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-43546199>. – Загл. с экрана. (18.04.2020).
71. Brexit: What is in Boris Johnson's new deal with the EU? [Electronic resource] // BBC. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-50083026>. – Загл. с экрана. (16.04.2020).
72. Bush Administration: 9/11 five years later: Successes and challenges [Electronic resource] // The White House. – Режим доступа: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/waronterror/2006/>. – Загл. с экрана. (18.03.2020).
73. Census in Northern Ireland [Electronic resource] // Northern Ireland Statistics and Research Agency. – Режим доступа: <https://www.nisra.gov.uk/statistics/census>. – Загл. с экрана. (15.04.2020).
74. Counterterrorism evaluation: Taking stock and looking ahead [Electronic resource] / J. Bellasio [et al.]. – Brussels: RAND Europe, 2018. – 169 p. – Режим доступа: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2628.html. – Загл. с экрана. (16.03.2020).

75. Counter-Terrorism: Threat level [Electronic resource] // Security Service MI5.
– Режим доступа: <https://www.mi5.gov.uk/threat-levels>. – Загл. с экрана.
(20.04.2020).
76. *Crelinsten R.* Perspectives on Counterterrorism: From Stovepipes to a Comprehensive Approach [Electronic resource] / R. Crelinsten // Perspectives on Terrorism. – 2014. – Vol. 8. – No. 1. – Режим доступа: www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/321/html. – Загл. с экрана. (15.03.2020).
77. EU Referendum: Results [Electronic resource] // BBC. – Режим доступа: https://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results. – Загл. с экрана. (13.04.2020).
78. EU Terrorism Situation & Trend Report 2019 (Te-Sat) [Electronic resource] // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, 2019. – 80 p. – Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/terrorism-situation-and-trend-report-2019-te-sat>. – Загл. с экрана. (19.04.2020).
79. FULL STATEMENT: Foster explains why DUP want to leave EU [Electronic resource] // News Letter. – Режим доступа: <https://www.newsletter.co.uk/news/full-statement-foster-explains-why-dup-want-leave-eu-1265505>. – Загл. с экрана. (14.04.2020).
80. *Gallardo C.* No-deal Brexit could lead to increased terrorism in Northern Ireland, police say [Electronic resource] / C. Gallardo // Politico. – Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/no-deal-brexit-increased-terrorism-northern-ireland-police-say/>. – Загл. с экрана. (21.04.2020).
81. Global Terrorism Database [Electronic resource] // 2009–2018 University of Maryland. – Режим доступа: <http://apps.start.umd.edu/gtd/>. – Загл. с экрана. (09.04.2020).
82. Good Friday Agreement [Electronic resource] // Encyclopædia Britannica. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/Good-Friday-Agreement>. – Загл. с экрана. (09.04.2020).

83. *Horgan J.* Rehabilitating the Terrorists?: Challenges in Assessing the Effectiveness of De-radicalization Programs [Electronic resource] / K. Braddock, J. Horgan // *Terrorism and Political Violence*. – 2010. – Vol. 22 (2). – Pp. 267-291. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09546551003594748>. – Загл. с экрана. (16.03.2020).
84. *Juergensmeyer M.* Religious Nationalism in a Global World [Electronic resource] / M. Juergensmeyer // *Religion and Nationalism*. – 2019. – No. 10 (2). – Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2077-1444/10/2/97/htm>. – Загл. с экрана. (12.03.2020).
85. *Kane A.* Boris Johnson's betrayal will leave the DUP with one option – to back remain [Electronic resource] / A. Kane // *Guardian News & Media Limited*. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/oct/28/boris-johnson-dup-remain-arlene-foster-union-northern-ireland>. – Загл. с экрана. (16.04.2020).
86. *LaFree G.* Efficacy of counterterrorism approaches: examining Northern Ireland [Electronic resource] / G. LaFree, R. Korte, L. Dugan // *START Research Brief*, 2006. – Режим доступа: http://www.start.umd.edu/start/publications/research_briefs/20061017_lafree.pdf. – Загл. с экрана. (18.03.2020).
87. Londonderry: Bomb explodes in car outside courthouse [Electronic resource] // *BBC*. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-46934277>. – Загл. с экрана. (19.04.2020).
88. Lyra McKee murder: Journalist shot dead during Derry rioting [Electronic resource] // *BBC*. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-47985469>. – Загл. с экрана. (19.04.2020).
89. Martin McGuinness resigns as NI deputy first minister [Electronic resource] // *BBC*. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-38561507>. – Загл. с экрана. (13.04.2020).
90. *McKittrick D.* Northern Ireland: The Peace Process and the Dissident Menace [Electronic resource] / D. McKittrick // *The Independent*. – Режим доступа:

- <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/northern-ireland-the-peace-process-and-the-dissident-menace-9134728.html>. – Загл. с экрана. (11.04.2020).
91. *Morag N.* Measuring Success in Coping with Terrorism: The Israeli Case [Electronic resource] / N. Morag // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2005. – No. 28 (4). – Режим доступа: www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/321/html. – Загл. с экрана. (18.03.2020).
92. *Moriarty G.* SF says North should be able stay in EU in a Brexit [Electronic resource] / G. Moriarty // *The Irish Times*. – Режим доступа: <https://www.irishtimes.com/news/politics/sf-says-north-should-be-able-stay-in-eu-in-a-brexit-1.2182397>. – Загл. с экрана. (14.04.2020).
93. Northern Ireland Assembly Elections 1998 [Electronic resource] // Northern Ireland Elections. – Режим доступа: <https://www.ark.ac.uk/elections/fa98.htm>. – Загл. с экрана. (09.04.2020).
94. Northern Ireland assembly reopens three years after collapse [Electronic resource] // Guardian News & Media Limited. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/politics/2020/jan/11/northern-ireland-assembly-reopens-three-years-after-collapse>. – Загл. с экрана. (13.04.2020).
95. *Ogbuleke L.E.* Democracy and Ethno-Religious Conflicts in Jos, Plateau State, Nigeria (2007–2012) [Electronic resource] / L.E. Ogbuleke // *Irish Interdisciplinary Journal of Science & Research (IIJSR)*. – 2019. – Vol. 3 (2). – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3418857>. – Загл. с экрана. (19.02.2020).
96. *Postelnicescu C.* Europe’s New Identity: The Refugee Crisis and the Rise of Nationalism [Electronic resource] / C. Postelnicescu // *Europe’s Journal of Psychology*. – 2016. – Vol. 12. – No. 2. – Режим доступа: <https://ejop.psychopen.eu/index.php/ejop/article/view/1191/html>. – Загл. с экрана. (17.02.2020).
97. Protocol on Ireland and Northern Ireland: Questions & Answers [Electronic resource] // European Commission. – Режим доступа:

- https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_18_6423. – Загл. с экрана. (16.04.2020).
98. Robinson and McGuinness outline shared future plans [Electronic resource] // BBC. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-22469237>. – Загл. с экрана. (11.04.2020).
99. Schmidt A. The Impact of Terrorism on Democracy in Northern Ireland [Electronic resource] / A. Schmidt // Perspectives on Terrorism. – 2010. – Vol. 4. – No. 2. – Режим доступа: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/96/html>. – Загл. с экрана. (07.04.2020).
100. Standard Eurobarometer 91: United Kingdom [Electronic resource] // European Commission. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2253>. – Загл. с экрана. (15.04.2020).
101. Timeline of dissident republican activity [Electronic resource] // BBC. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-10866072>. – Загл. с экрана. (19.04.2020).
102. Watt N. Northern Ireland would face «serious difficulty» from Brexit, Kenny warns [Electronic resource] / N. Watt // Guardian News & Media Limited. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jan/25/northern-ireland-irish-republic-eu-referendum-enda-kenny>. – Загл. с экрана. (20.04.2020).
103. Young C. Sinn Féin say Good Friday Agreement facing its biggest threat [Electronic resource] / C. Young // The Irish News. – Режим доступа: <https://www.irishnews.com/news/2017/12/04/news/sinn-fe-in-say-good-friday-agreement-facing-its-biggest-threat-1202189/>. – Загл. с экрана. (14.04.2020).